

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ЭТНОГРАФО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

**Проблемы культуры
и социума**

ТОМ 6

**НОВОСИБИРСК
"НАУКА"
СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
2003**

УДК 902+39
ББК 63.4-63.5
Э 91

Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма, 2003. – 302 с. – (Т. 6).

ISBN 5-02-030451-4 (Т. 6)
ISBN 5-02-032244-X (общ.)

В шестом томе серии "Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума" продолжено рассмотрение методологических, теоретических, историографических и методических проблем интеграции археологических и этнографических исследований, опубликованы материалы для конструирования интегрированных многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов тарских татар, казахов и русских XVII–XX вв., сообщения о научных конференциях и других научных мероприятиях, связанных с проблемами этноархеологии.

Книга предназначена для археологов, этнографов, историков, искусствоведов, религиоведов, а также краеведов и всех интересующихся проблемами социальной и этнической истории и культуры народов России.

In the sixth volume of the series "Ethnographo-archaeological Complexes: Problems of Culture and Socium", the examination of methodological, theoretical, historiographical and methodical problems of ethnographo-archaeological researches integration is continued. There are the publications of the materials for constructing integrated polycomponent sociocultural ethnographo-archaeological complexes of the Tara Tatars, Kazakhs and Russians of the XVII–XX centuries and reports about conferences and other scientific events connected with the problems of ethnoarchaeology.

The book is intended for archaeologists, ethnographers, historians, art critics, specialists in local lore, history and economy and for all interested in the problems of social and ethnic history and culture of Russian nations.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор исторических наук В.И. Матющенко
кандидат исторических наук Б.А. Конигов
доктор исторических наук Ю.С. Худяков

Утверждено к печати Ученым советом
Омского филиала Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН

ТП-01-П-№037

УДК 902+39
ББК 63.4-63.5

ISBN 5-02-030451-4 (Т. 6)
ISBN 5-02-032244-X (общ.)

© Омский филиал Объединенного
института истории, филологии и
философии СО РАН, 2003
© Российская академия наук, 2003

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СЛАВЯНО-РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЯТСКОГО КРАЯ

В исследованиях могильников важнейшее место занимает обряд погребения. Именно в этом обряде отражаются идеологические представления человека, формирующиеся под влиянием этнического и социального факторов¹. Что касается погребальных традиций русского населения, особенно в период позднего средневековья и нового времени, то они редко были предметом изысканий. Безынвентарность христианских погребений не позволяет однозначно решать вопросы датировки русских могильников и проблемы эволюции похоронной обрядности, что делает русские могильники, казалось бы, малоперспективным источником. Однако это не означает невозможности их исследования. И в этом плане немалый ресурс таит в себе статистический метод изучения русских некрополей, позволяющий извлекать информацию, порой недоступную при обычных способах исследования.

Славяно-русские могильники Вятского края² до последних десятилетий исследовались попутно, при изучении поселений, и нередко без составления какой-либо документации. Примером этого могут быть раскопки П.И. Лерха на Подчуршинском городище в 1865 г., когда им было вскрыто 15 могил, лишь описанных (что уже хорошо), да и то весьма кратко³. Отметим также исследованную любителями в 1938 и 1961 гг. Северюхинскую братскую могилу воинов, павших, как предполагается, в бою с татарами или удмуртами в конце XIV либо середине XVI вв. Информация о результатах этих раскопок достаточно подробна, однако многие детали, как правило отмечаемые археологами, не зафиксированы и при отсутствии рисунков вряд ли могут быть восстановлены⁴. Об истории исследования русских некрополей автор уже писал не раз и достаточно подробно⁵, поэтому специально останавливаться на этом не будем. К тому же степень изученности памятников отражена в сводной таблице (табл. 1). Отмечу только, что к настоящему времени в Вятском крае известно по меньшей мере 30 славяно-русских могильников XII–XIX вв., зафиксированных в качестве археологических объектов (рис. 1). Из них 7 отнесены к древнерусскому периоду (XII–XV/XVI вв.), 23 – к новому времени (XVI–XIX вв.). Все древнерусские некрополи в той или иной степени раскапывались, но по Северюхинской могиле нет необходимых для статистики данных, а на Хлыновском I могильнике исследовано лишь одно захоронение (да и то сохранившееся частично), остальные 33 зафиксированы в разрезах. Всего же удалось по этой группе памятников проанализировать 281 погребение. Из группы более поздних кладбищ так или иначе изучались 16 памятников, но материалы по могильнику Гоньба оказались для меня недоступны (не менее 28 погребений), а разведочное исследование Подрельского ограничилось фиксацией разрезов (2 могилы). Из остальных некрополей два (Сарапульские II и III) были открыты при строительстве в 1909 г., и материалов по ним не сохранилось, а пять перечислены В.Ф. Стрельцовым в каталоге 1926–1927 гг. и, вероятно, не исследовались (Гольяновский, Кулюшовский, Дебесский, Киршатсый, Тарасятский), еще один фигурирующий там могильник, Михайловский, уже исследовался автором. В итоге по поздним памятникам удалось провести анализ 271 захоронения (Зу-

ево-Ключевской II могильник, отнесенный Н.И. Шутовой к памятникам удмуртов XVII–XVIII вв.⁶, с таким же успехом можно отнести к русским, тем более что к юго-западу от него располагались остатки поселения с находками (в том числе русскими) XIV–XVI вв. К этому времени предварительно отнесено 5 погребений, ориентированных на юго-юго-запад и запад-юго-запад. Остальные могилы (в основном с расположением умерших головой на запад) отнесены Л.И. Ашихминой к позднеананьинскому времени)⁷.

Таблица 1

Степень изученности славяно-русских могильников
Вятского края XII–XIX вв.

№ п/п	Памятник	Исследователи	Год	Кол-во изученных		Вскрытая площадь	Датировка (вв.)		
				погребений					
				Сведения					
		есть	нет						
Могильники XII–XV вв.									
1	Еманаевский	М.В. Талицкий Н.А. Лещинская	1929	2			7	XII–XIII	
			1985	31			378		
			1986	41			570		
2	Покста	М.В. Талицкий Н.А. Лещинская Л.Д. Макаров	1929	1		4	7	XIV–XV	
			1985	16			22		
			1987						
			1988	69			131		
3	Шабалинский	Л.Д. Макаров	1979	80			70	XII–XIV	
4	Никульчинский I	Л.П. Гуссаковский	1958	1			38	XIII–XV	
			1960	17			115		
5	Усть-Челецкий	Л.А. Сенникова	1993	22			20	кон. XIII – нач. XV	
6	Хлыновский I	Л.Д. Макаров В.В. Ванчиков Л.Д. Макаров	1981	1		2 31	0.5	XIII–XVI	
			1989						
			1990						
7	Северюхинская	Любительские раскопки	1938 1961		Более 20		?	кон. XIV или сер. XVI	
Итого...				281	Более 20	37	1358,5		
Могильники XVI–XIX вв.									
8	Котельничский	Л.Д. Макаров	1982	110			350	XVI–XVIII	
9	Никульчинский II	Л.Д. Макаров	1979	14			188	XVII–XIX	
			1981	17			22		
10	Хлыновский II	М.П. Грязнов Л.П. Гуссаковский Л.Д. Макаров	1935–1936		Разрушен	6		54 70 7	XVI–XVIII
			1956	20					
			1957	4					
			1958	1					
			1983						
11	Орловский	Л.М. Еговкина Л.П. Гуссаковский Л.Д. Макаров	1957	3			9	XVI–XVIII	
			1960	19			52		
			1976	3			2		

№ п/п	Памятник	Исследователи	Год	Кол-во изученных		Вскрытая площадь	Датировка (вв.)		
				погребений Сведения	разрезов				
								есть	нет
12	Подчуршинский	П.И. Лерх Л.Д. Макаров	1865		15	9	3,5 72	XVI–XVIII	
			1987	2					
			1988	15					
13	Спасский	И.С. Вайнер И.Г. Шапран	1959	5			?	XVII–XIX	
			1983	10			56		
14	Благодатский	Т.К. Ютина	1981	14			172	XVIII–XIX	
			1982	7			219		
15	Михайловский	Л.Д. Макаров	1996	8			63	2-я полов. XVIII – нач. XIX	
16	Моторкинский III	Т.М. Гусенцова Р.Д. Голдина Т.М. Гусенцова	1974	1				XVI–XVII	
			1975	2			868		
			1986	3			622		
17	Зуево- Ключевской III	С.Е. Перевощиков	1996	5			120	XVI–XVII	
			1998	2			72		
18	Ильинский	Л.Д. Макаров	1987	3			3	XVII–XVIII	
19	Слободской I	Л.Д. Макаров	1984	1			2	XVII–XVIII	
20	Слободской II	Л.Д. Макаров	1987	1			1	XVII–XVIII	
21	Подрельский	В.В. Ванчиков	1988			2		XVI–XVII	
22	Сарапульский IV	Н.Л. Решетников	1997	1			52	XVII–XVIII	
23	Гоньба	В.Ф. Генинг Л.А. Сенникова	1955		3?		?	XVI–XVIII	
			1991		25		154		
Итого...				271	63	17	3233,5		

Все известные на территории региона могильники – бескурганые. Данный факт иногда воспринимается как бесспорное доказательство некрестьянской колонизации⁸. Может быть, это и присуще коренной территории Древней Руси, но для Русского Севера в XI–XIII вв. характерен именно бескурганный обряд погребения⁹. Судя по всему, для бытования последнего имели значение два фактора: во-первых, абсолютное преобладание на ранней стадии действительно не крестьянской, а промысловой колонизации Севера с последующей трансформацией становищ в стабильные земледельческие поселения; во-вторых, в целом более позднее освоение северных и восточных территорий, когда курганный обряд был уже "на излете"¹⁰. Во всяком случае, древнейший из славяно-русских некрополей Вятского края – Еманаевский (XII–XIII вв.) – расположен в гуще земледельческих поселений¹¹. Многолетние распахки наиболее удобных для земледельческих работ надпойменных и коренных террас, где могли располагаться курганы, делают возможность выявления таких могильников маловероятной. В то же время нельзя забывать, что курганный обряд в Новгородской земле уже в XII в. полностью исчезает¹². В южнорусских областях это происходит на рубеже XII–XIII вв.¹³, а окончательно, по-видимому, после Батыева нашествия, когда древнерусская деревня начинает более активно воспринимать христианство¹⁴. На лесных окраинах Северо-Восточной Руси курганный обряд сохраняется до конца XIII в., в том числе у заимствовавших его поволжско-финских племен¹⁵. Таким образом, вероятность выявления курганов в исследуемом регионе все же сохраняется.

Абсолютное большинство русских кладбищ XVI–XIX вв. располагалось около церквей и часовен, сохранившихся до настоящего времени либо известных по письменным источникам. Лишь на некоторых из них нет документального подтверждения культовых построек, что не исключает их существования в прошлом (Моторкинский III, Зуево-Ключевской III, Благодатский). То же можно сказать и о более ранних могильниках (Никульчинский I, Усть-Чепецкий), однако дважды удалось выявить следы культовых сооружений археологическим способом (Еманаевский, Покста), в остальных случаях есть сведения о некогда существовавших постройках (Шабалинский, Хлыновский I, Северюхинская могила). На особенностях древнерусских культовых построек на Вятке остановимся ниже, а пока обратимся к погребальному обряду вятчан.

Могилы на некрополях располагались рядами, которых насчитывается (в зависимости от раскопанных площадей) от 3–5 до 17–23. Некоторые могильники существовали, по-видимому, достаточно недолго, о чем говорят редкое расположение могил в рядах и нечастые случаи их нарушений. Последнее объясняется и существованием надмогильных сооружений – от обычных и в наше время холмиков с деревянными конструкциями, например, крестами или другими памятниками, до более архаичных устройств в виде домиков¹⁶. Во всяком случае, на Подчуршинском могильнике в верхней части засыпи одной из могильных ям выявлена столбовая ямка размером 11 x 7 x 5 см с конусовидным дном. Судя по всему, сооружались оградки, но в раскопках их следов не обнаружено. На некоторых кладбищах, существовавших не один век, фиксировались многочисленные нарушения захоронений (могильники Шабалинский, Хлыновские, Никульчинский II, Котельничский, Орловский и др.). Как показали полевые этнографические наблюдения, могила, оставшаяся без ухода, сохраняется не более 50 лет¹⁷, после чего на ее месте неизбежно размещают другие захоронения. В принципе, можно попытаться прикинуть возраст кладбища, подсчитав число последовательных взаимонарушений могил и учитывая, разумеется, сопровождающий инвентарь.

Могильные ямы обычно подпрямоугольных очертаний с закругленными в большей или меньшей степени углами, изредка встречаются могилы других форм, например неправильной (Никульчинский I) и даже овальной и круглой (Зуево-Ключевской III). В ряде случаев ямы не фиксировались, особенно много таких могил на Шабалинском могильнике (71 из 80), где захоронения выявлялись сразу под пахотным слоем. Каких-либо дополнительных деталей – выступов-ниш, подбоев, заплечиков – не обнаружено. Стенки ям вертикальные либо слегка сужающиеся ко дну, лишь изредка покатые и плавно переходящие в придонную часть, что связано в основном с песчаной структурой грунта.

По разным причинам не удалось установить размеры многих могильных ям. Так, длина выявлена у 69,7 % из них (385 из общего числа исследованных 552 могил), ширина – у 60,7 % (335 ям), глубина – у 94,7 % (523 захоронения). Рассмотрим размеры могил по временным группам (табл. 2, 3). Длина ям древнерусских захоронений варьирует в широких пределах – от 47 до 308 см, при этом преобладают могилы длиной 151–200 см (53,5 % от числа определенных), ямы же минимальных размеров (50–100 см) присущи детским захоронениям Еманаева, Усть-Чепцы и Поксты, а также части могил Еманаева с кремациями. На могильниках XVI–XIX вв. разброс показателей по длине не так велик – от 45 до 252 см, здесь ямы длиной 151–200 см относительно преобладают (42,1 %), но меньшие по размерам западины также весьма распространены: 101–150 (21,6 %) и 45–100 см (28,2 %).

Ширина могил раннего времени – от 13 до 168 см, причем господствуют ямы в 41–60 см (64,7 %); малой шириной (13–20 см) характеризуются детские захоро-

нения Усть-Чепцы, а, наоборот, значительной – 4 погребения Никульчинского I могильника (102–168 см), при этом не исключено, что три из них были парными (костей нет, но свободное пространство это позволяет). Кстати, из приведенной выше статистики коллективные захоронения, естественно, исключены. Могилы позднего периода также в основном имеют ширину 41–60 см (45 %), но немало ям и меньшего размера: 21–40 см (38,4 %) и, отчасти, большего: 61–80 см (13,9 %).

Глубина могил имеет значительный разброс на некрополях XII–XV вв. – от 0 до 140 см, однако наиболее распространенными были могилы глубиной 21–40 (32,3 %), 41–60 (17,5 %), 61–80 (24,3 %) и 81–100 см (16,3 %), что составляет 90,4 % ям, глубина которых определена. Наименьшей глубиной отличается Усть-Челецкий могильник – все его захоронения имели ямы не глубже 20 см, что, однако, объясняется, судя по всему, смывом края террасы в реку, хотя наиболее удаленные от края погребения, перекрытые поздним поселенческим слоем, находились тем не менее в ямах глубиной 18–20 см. Шабалинский могильник также выделяется малой глубиной захоронений: 20–40 см у 79 из них и лишь у одного – 56 см. Здесь на глубину могил в какой-то степени могли повлиять распашка поверхности и близкое расположение к краю террасы. Остальные некрополи имели глубину погребений в основном в пределах 41–100 см, более углубленные могилы единичны. Малая глубина захоронений плохо соотносится с канонической христианской погребальной традицией. Отклонения от нее, судя по всему, были связаны с языческим наследием. Выяснено, что с увеличением глубины ямы уменьшается высота насыпи¹⁸. Известно, что до принятия христианства на Руси у некоторых восточно-славянских племен (Среднее Поднепровье, Волынь, вятичи) практиковали положение умерших под насыпью без ямы, на горизонте. Характерно, что появление захоронений в подкурганых ямах зачастую совпадает по времени с введением христианства¹⁹. Бескурганые погребения также на Руси не превышали метровой глубины: и новгородские (Староладожский: 0,5–0,7 м, Михаилоархангельский: 0,7–1,0 м)²⁰, и владими́ро-суздальские (Ярополч: 0,6–1,0 и 0,2–0,4 м; посад Городца-на-Волге – незначительная глубина)²¹, и русские могилы в Золотой Орде (Водянское городище: 0,4–0,7 м)²². Более поздние кладбища имеют глубину могил от 12 до 185 см, но самыми частыми были захоронения глубиной 21–100 см (75 %), зафиксированные на более ранних могильниках этой группы: Котельничском, Хлыновском II, Орловском, Моторкинском III, Зуево-Ключевском III, Слободском II, Подрельском. На уменьшение глубины могил могла повлиять возможная нивелировка поверхности в Хлынове и Орлове (утверждение Л.П. Гуссаковского), а значит, если следовать этой логике, и в Котельнице. Однако вряд ли это так; скорее, малая глубина захоронений XVI–XVII вв. – следствие сохранения дониконианских погребальных традиций. Данное заключение подтверждается и почти полным отсутствием при покойных крестов-гельников. Более поздние некрополи (конец XVII – начало XIX вв.) имели могилы, глубина которых достигала 1,5 м и более (22,7 %). Переход к более глубоким захоронениям, судя по всему, происходит во второй половине XVII в. и связан с никоновскими преобразованиями в русском православии. Правда, какие-либо указания на сей счет в литературе не выявлены²³. Поскольку вятский епископ Александр был противником Никона²⁴, вряд ли при нем на Вятке проводились какие-либо реформы. Зато его преемник, архиепископ Иона (Баранов, 1675–1700 гг.), последовательно боролся против раскола, ревизовал местные культы²⁵ и, по-видимому, привел погребальную обрядность в соответствие с новыми требованиями.

Таблица 2

Признаки погребального обряда на могильниках XII–XV вв.

Признак погребального обряда	Еманавский (74)	Покста (86)	Шабалинский (80)	Никольчинский I (18)	Усть-Чепецкий (22)	Хлыновский I (1)	Всего		
							Кол-во (281)	%	
								от общего кол-ва	от определенных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Длина ямы (см) установлена	—	—	—	—	—	—	176	62,6	—
47–100	8	5	—	—	12	—	25	8,9	14,2
101–150	16	10	2	2	1	—	31	11,0	17,6
151–200	43	32	7	4	8	—	94	33,4	53,5
201–250	5	10	—	6	—	—	21	7,5	11,9
свыше 251	—	—	—	5	—	—	5	1,8	2,8
не установлена	2	29	71	1	1	1	105	37,4	—
Ширина ямы (см) установлена	—	—	—	—	—	—	184	65,5	—
(коллективные погребения)	1 (2)	5 (по 2)	1 (2)	2 (по 2), 1 (4)	—	—	10 (22)	7,8	—
до 20	—	—	—	—	7	—	7	2,5	3,8
21–40	11	7	3	1	5	—	27	9,6	14,7
41–60	47	55	4	3	9	1	119	42,3	64,7
61–80	12	13	—	1	—	—	26	9,3	14,1
свыше 81	—	1	—	4	—	—	5	1,8	2,7
не установлена	2	—	71	1	1	—	75	26,7	—
Глубина ямы (см) установлена	—	—	—	—	—	—	263	93,6	—
до 20	—	—	—	—	21	—	21	7,5	8,0
21–40	6	—	79	—	—	—	85	30,2	32,3
41–60	37	8	1	—	—	—	46	16,4	17,5
61–80	26	38	—	—	—	—	64	22,75	24,3
81–100	5	38	—	—	—	—	43	15,3	16,3
101–120	—	2	—	1	—	—	3	1,1	1,2
свыше 121	—	—	—	—	—	1	1	0,35	0,4
Нет сведений	—	—	—	17	1	—	18	6,4	—
Погр. конструкции установлены	—	—	—	—	—	—	33	11,7	—
без гвоздей	—	3	12	—	4	1	20	7,1	60,6
Г с железным гвоздем и органической подстилкой	—	—	—	—	1	—	1	0,35	3,0
б с деревянным гвоздем, умерший завернут в кору	—	—	—	—	1	—	1	0,35	3,0
в железные гвозди без дерева	—	3	—	—	—	—	3	1,1	9,1
щ с органической подстилкой	—	—	—	—	1	—	1	0,35	3,0
е с берестой сверху	—	—	—	—	2	—	2	0,7	6,1
Умерший завернут в бересту	—	—	—	—	2	—	2	0,7	6,1
Подстилка из коры	—	—	—	—	1	—	1	0,35	3,0
Подстилка из бересты	—	—	—	—	1	—	1	0,35	3,0

Признак погребального обряда	Еманасевский (74)	Покста (86)	Шабалинский (80)	Никольчинский I (18)	Усть-Чепецкий (22)	Хлыновский I (1)	Всего		
							Кол-во (281)	%	
								от общего кол-ва	от определенных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Подстилка из органики	—	—	—	—	1	—	1	0,35	3,0
Конструкция не фиксирована	74	80	68	18	8	—	248	88,3	—
Способ погребения установлен	—	—	—	—	—	—	281	100,0	—
ингумация	59	66	77	17	19	1	239	85,1	—
расчлененный захоронение черепа	—	—	1	—	—	—	1	0,35	—
захоронение черепа	2	—	—	—	—	—	2	0,7	—
захоронение с дополнительными черепами	—	—	2	—	—	—	2	0,7	—
частичная кремация	4	—	—	—	—	—	4	1,4	—
полная кремация	7	—	—	—	—	—	7	2,5	—
ингумация + кальц. кости	—	3	—	—	—	—	3	1,1	—
отд. кальц. кости	—	2	—	—	—	—	2	0,7	—
кенофат	2	—	—	—	—	—	2	0,7	—
Костей нет	—	9	—	—	—	—	9	3,2	—
Угли в засыпи (ингум.)	—	3	—	—	1	—	4	1,4	—
Угли на дне (ингум.)	—	1	—	1	1	—	3	1,1	—
Угли в засыпи и на дне (ингум.)	—	1	—	—	1	—	2	0,7	—
Угли в засыпи и на дне (кальц. кости)	—	1	—	—	—	—	1	0,35	—
Сохранность костей установлена	—	—	—	—	—	—	154	54,8	—
хорошая	11	—	14	5	4	—	34	12,1	22,1
удовлетворительная	17	2	1	1	1	—	22	7,8	14,3
плохая	32	45	1	4	16	—	98	34,9	63,6
нарушены	5	30	64	8	—	1	108	38,45	—
нет сырых костей	9	9	—	—	—	—	18	6,4	—
Нет сведений	—	—	—	—	1	—	1	0,35	—
Возраст покойного установлен	—	—	—	—	—	—	213	75,8	—
взрослые	23	22	41	7	8	—	101	35,95	47,4
подростки	14	11	9	1	1	—	36	12,8	16,9
дети	22	19	16	6	13	—	76	27,1	35,7
не определен	15	34	14	4	—	—	67	23,8	—
Нет сведений	—	—	—	—	—	1	1	0,35	—
Ориентация погребенного установлена	—	—	—	—	—	—	259	92,2	—
СЗ	4	—	—	—	—	—	4	1,4	1,5
ЗСЗ	10	1	1	—	4	—	16	5,7	6,2

Признак погребального обряда	Еманасевский (74)	Покста (86)	Шабалинский (80)	Никулчинский I (18)	Усть-Чепецкий (22)	Хлыновский I (1)	Всего		
							Кол-во (281)	%	
								от общего кол-ва	от определенных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
3	24	17	36	3	17	—	97	34,55	37,4
ЗЮЗ	23	53	37	2	1	—	116	41,3	44,8
ЮЗ	4	2	6	9	—	1	22	7,8	8,5
ЮЮЗ	—	—	—	3	—	—	3	1,1	1,2
Ю	—	—	—	1	—	—	1	0,35	0,4
не выяснена	9	13	—	—	—	—	22	7,8	—
Ориентация ям без сырых костей кремация (№ 2) и ингумация (№ 3)									
З-В	4	1	—	—	—	—	5	—	—
ЗЮЗ-ВСВ	2	11	—	—	—	—	13	—	—
СВ-ЮЗ	1	1	—	—	—	—	2	—	—
Кенотафы (№ 2)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ЗСЗ-ВЮВ	1	—	—	—	—	—	1	—	—
З-В	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Положение рук установлено	—	—	—	—	—	—	90	32,1	—
1	2	2	1	1	1	—	7	2,5	7,8
2	1	1	1	—	—	—	3	1,1	3,3
3	—	—	2	—	—	—	2	0,7	2,2
4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	11	1	3	2	1	—	18	6,4	20,0
6	—	1	3	1	—	—	5	1,8	5,6
7	5	—	1	1	3	—	10	3,6	11,1
8	8	—	11	4	—	—	23	8,2	25,6
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	—	—	2	—	—	—	2	0,7	2,2
11	—	—	2	—	—	—	2	0,7	2,2
12	—	—	4	—	—	—	4	1,4	4,4
13	—	1	2	1	1	—	5	1,8	5,6
14	1	—	3	—	1	—	5	1,8	5,6
15	—	—	2	—	—	—	2	0,7	2,2
16	—	—	1	1	—	—	2	0,7	2,2
Костей рук не должно быть	15	—	—	—	—	—	15	5,3	—
Частичная сохранность	15	20	17	3	8	—	63	22,4	—
Нет костей рук	16	60	25	4	7	—	112	39,85	—
Нет сведений	—	—	—	—	—	1	1	0,35	—
Согнутость ног установлена	—	—	—	—	—	—	4	1,4	—
налево	1	—	—	1	—	—	2	0,7	50,0
направо	1	—	—	—	1	—	2	0,7	50,0
Инвентарь установлен	—	—	—	—	—	—	42	14,9	—
Керамика	в межмогильном прост-ранстве (фр.)	2	—	—	—	2	4	—	—
	в засыпи могил	—	24	—	—	6	30	10,7	71,4
Наконечники стрел	2	—	—	—	—	—	2	0,7	4,75

Признак погребального обряда	Еманаевский (74)	Покста (86)	Шабалинский (80)	Никульчинский I (18)	Усть-Чепецкий (22)	Хлыновский I (1)	Всего		
							Кол-во (281)	%	
								от об-щего кол-ва	от определенных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бронзовый браслет	1	—	—	—	—	—	1	0,35	2,4
Железная скоба	—	1	—	—	1	—	2	0,7	4,75
Кости животных	—	—	—	—	2	—	2	0,7	4,75
Зубы животных	—	—	—	—	1	—	1	0,35	2,4
Гальки	—	—	—	—	2	—	2	0,7	4,75
Известняковая плита	—	—	—	—	1	—	1	0,35	2,4
Бронзовые украшения (упоминаются)	—	—	—	1	—	—	1	0,35	2,4
Из культу-рного слоя	металл	—	2	—	—	—	2	0,7	—
	кремень	—	11	—	—	—	11	3,9	—
	шлак	1	4	—	—	—	5	1,8	—
	глиняные вещи	3	—	—	—	—	3	1,1	—
	лепная керамика	3	6	—	—	—	9	3,2	—
	зубы лошади	—	1	—	—	—	—	1	0,35

Наряду с одиночными погребениями, на вятских могильниках выявлены и коллективные захоронения. В древнерусских памятниках обнаружено 10 таких погребений — девять парных и одно четверное (всего 22 захоронения, что составляет 7,8 % всех погребений XII—XV вв.). В поздних могильниках (XVI—XIX вв.) таких могил больше — 28 с 68 покойными (25,1 %). Особенно много их (24) на Котельничском, где похоронено 58 умерших (52,7 % всех покойных на кладбище), в основном по двое (19 могил), а также по трое (2), четвером (1) и пятером (2). По одному коллективному захоронению обнаружено на Никульчинском II (3 покойных), Подчуршинском (2), Благодатском (3), Спасском (2). Эти могилы по ширине обычно превосходят одиночные, но лишь когда умершие укладывались рядом друг с другом (9 случаев). Чаще фиксируется расположение покойных друг на друге: дети на груди взрослого или даже в его объятиях (13 случаев); взрослые один на другом (5), причем нередко нижний костяк потревожен. О том, что взаимоперекрытия могут быть приняты за коллективные погребения, свидетельствуют случаи, когда на поздних могильниках (Никульчинский II, Спасский) сохранившиеся гробовища позволяют четко разграничить отдельные разновременные захоронения (см. рис. 2). Обращает на себя внимание увеличение со временем числа парных захоронений, хотя более верно сравнивать случаи положения умерших рядом друг с другом — по 9 могил. Трактовать данные погребения достаточно елжно, особенно если захоронения одновременны (а установить это непросто). Известно мнение о возможно насильственной или добровольной смерти одного из умерших, вероятнее всего — женщины²⁶. Не исключено, например, ритуальное убийство двух пораженных стрелами людей близ культовой постройки на Еманаевском могильнике²⁷. Относительно парных погребений, совершенных одно на

Признаки погребального обряда на могильниках XVI-XIX вв.

Могильник Признак погребального обряда	Котельничский (110)	Никольчинский II (31)	Хлыновский II (25)	Орловский (25)	Подчуриинский (17)	Славский (15)	Благодатский (21)	Михайловский (8)	Моторжинский III (6)	Зуевско-Ключевский III (7)	Ильинский (3)	Слободской I (1)	Слободской II (1)	Сарапульский IV (1)	Всего		
															Кол-во (271)	%	
																от общего кол-ва	от определенных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Длина ямы (см) установлена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	209	77,1	—
45-100	26	17	2	—	1	2	2	3	—	5	1	—	—	—	59	21,8	28,2
101-150	16	5	2	—	5	4	12	1	—	—	—	—	—	—	45	16,6	21,6
151-200	64	7	—	1	3	4	2	1	2	1	1	1	—	1	88	32,4	42,1
201-252	2	—	—	—	7	—	4	1	1	1	1	—	—	—	17	6,3	8,1
не установлена	2	2	21	24	1	5	1	2	3	—	—	—	1	—	62	22,9	—
Ширина ямы (см) установлена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151	55,7	—
(коллективные погребения)	19 (по 2), 2 (по 3), 1 (4), 2 (по 5)	1 (3)	—	—	1 (2)	1 (2)	1 (3)	—	—	—	—	—	—	—	28 (68)	25,1	—
до 20	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,7
21-40	23	18	7	—	1	3	1	3	—	1	1	—	—	—	58	21,4	38,4
41-60	22	7	3	1	10	3	9	4	3	4	2	—	—	—	68	25,1	45,0
61-80	4	1	—	—	2	2	7	1	—	1	—	1	1	1	21	7,75	13,9
свыше 81	1	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	3	1,1	2,0
не установлена	2	1	15	24	2	5	—	—	3	—	—	—	—	—	52	19,2	—
Глубина ямы (см) установлена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	260	95,9	—
до 20	5	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	6	2,2	2,3
21-40	37	—	—	11	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	50	18,5	19,2

Признак погребального обряда	Могильник	Котельничский (110)	Никольский II (31)	Хлыновский II (25)	Орловский (25)	Подчуршинский (17)	Спасский (15)	Благодатский (21)	Михайловский (8)	Моторкинский III (6)	Зуевско-Ключевской III (7)	Ильинский (3)	Слободской I (1)	Слободской II (1)	Сарапульский IV (1)	Всего		
																Кол-во (271)	%	
																	от общего кол-ва	от определенных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
41-60	38	—	3	14	—	—	—	—	—	3	—	—	1	—	59	21,8	22,7	
61-80	15	2	16	—	5	2	—	1	2	1	—	—	—	1	45	16,6	17,3	
81-100	15	9	5	—	3	5	1	2	—	—	1	—	—	—	41	15,1	15,8	
101-120	—	11	—	—	2	7	—	2	—	1	2	—	—	—	25	9,2	9,6	
121-140	—	4	—	—	2	1	2	1	—	—	—	—	—	—	10	3,7	3,8	
141-160	—	5	—	—	3	—	11	2	—	—	—	1	—	—	22	8,1	8,5	
161-180	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,4	
свыше 181	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,4	
Нет сведений	—	—	1	—	—	—	7	—	3	—	—	—	—	—	11	4,1		
Погребальные конструкции установлены	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	115	42,4		
гроб без гвоздей	10	14	10	11	13	7	13	1	—	—	—	1	1	1	82	30,4	71,3	
гроб с железными гвоздями	1	9	2	—	—	—	—	3	—	1	—	—	—	—	16	5,9	13,9	
гроб с железными оковками	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,87	
гроб без гвоздей с перекрытием (полати?) и углстым пятном в верхней части засыпи	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,87	
железные гвозди без гроба	4	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	6	2,2	5,2	
колода	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,87	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
колода (по профилю ямы)	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,87
тело завернуто в кору	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	5	1,8	4,4
подстилка- циновка	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,87
столбовая ямка от надмогильного памятника	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,87
Нет сведений	—	—	3	—	—	—	7	—	3	—	—	—	—	—	13	4,8	—
Конструкция не фиксирована	95	5	10	14	2	8	1	1	3	1	3	—	—	—	143	52,8	—
Сохранность костей установлена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	160	59,0	—
хорошая	18	18	—	6	5	2	5	1	1	1	—	—	—	1	58	21,4	36,25
удовлетворительная	29	5	12	1	5	2	—	4	—	3	2	1	—	—	64	23,6	40,0
плохая	—	7	—	3	5	5	9	3	2	3	1	—	—	—	38	14,0	23,75
нарушены	63	1	1	10	2	3	—	—	—	—	—	—	1	—	81	29,9	—
Нет костей	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,1	—
Нет сведений	—	—	10	5	—	2	7	—	3	—	—	—	—	—	27	10,0	—
Возраст покойного установлен	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	209	77,1	—
взрослые	31	7	3	7	9	—	3	4	3	1	1	1	—	—	70	25,8	33,5
подростки	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	4,4	5,7
дети	48	24	7	9	6	10	11	4	—	6	1	—	—	1	127	46,9	60,8
не определен	19	—	15	9	2	5	—	—	—	—	1	—	1	—	52	19,2	—
Нет сведений	—	—	—	—	—	—	7	—	3	—	—	—	—	—	10	3,7	—
Ориентация погре- бенного установлена	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	260	95,9	—
С	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,38
СЗ	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2	—	—	—	—	4	1,5	1,5

Признак погребального обряда	Моги́льник	Коте- льнич- ский (110)	Николь- ский II (31)	Хльнов- ский II (25)	Орлов- ский (25)	Под- чушин- ский (17)	Спас- ский (15)	Благо- датский (21)	Михай- ловский (8)	Мотор- жинс- кий III (6)	Зуево- ской III (7)	Ильин- ский (3)	Слобод- ской I (1)	Слобод- ской II (1)	Сара- пуль- ский IV (1)	Всего		
																Кол- во (271)	%	
																	от об- щего кол-ва	от опреде- ленных
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
ЗСЗ	—	—	—	—	—	—	6	4	—	—	—	—	1	—	11	4,1	4,22	
З	—	—	11	—	2	2	11	4	4	3	1	—	—	1	39	14,4	15,0	
ЗЮЗ	3	6	5	1	9	10	3	—	—	—	2	1	—	—	40	14,8	15,4	
ЮЗ	100	19	—	18	5	1	—	—	—	1	—	—	—	—	144	53,1	55,4	
ЮЮЗ	7	5	—	3	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	16	5,9	6,2	
Ю	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	0,35	0,38	
ЮЮВ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,38	
В	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,38	
СВ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,38	
ССВ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,38	
Нет сведений	—	—	9	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	4,1	—	
Положение рук установлено	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	113	41,7	—	
1	1	4	1	3	—	—	—	1	—	1	1	—	1	—	13	4,8	11,5	
2	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	2	0,7	1,8	
3	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	0,7	1,8	
4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
5	1	—	4	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	7	2,6	6,2	
6	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,1	2,7	
7	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	0,7	1,8	
8	5	7	—	2	3	1	3	1	1	1	—	—	—	—	24	8,9	21,2	
9	2	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4	1,5	3,5	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
10	3	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1,8	4,4	
11	—	2	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	4	1,5	3,5	
12	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	0,9	
13	12	5	—	—	3	1	2	1	—	3	—	—	—	—	27	10,0	23,9	
14	9	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	11	4,1	9,7	
15	2	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	5	1,8	4,4	
16	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,1	2,7	
Частичная сохранность	29	5	4	5	4	1	1	2	1	1	—	—	—	—	53	19,6		
Нет костей рук	42	6	2	9	3	4	6	—	—	—	1	—	—	—	73	26,95		
Нет сведений	—	—	10	5	—	7	7	—	3	—	—	—	—	—	32	11,8		
Согнутость ног налево	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	—	
Инвентарь установлен	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59	21,8	—	
К р е с т ы	одни	1	16	5	3	—	7	6	6	—	3	—	—	—	1	48	17,7	81,3
	с монетами (2 шт.)	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	0,35	1,7
	с пуговицами	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,7	3,4
	с серьгами	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,7	3,4
	с кожаной обувью	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	1,7
	с височным кольцом	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	1,7
две свинцовые пули и железная пуговица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	1,7	
серьга	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	1,7	
две свинцовые пуговицы	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	1,7	
кожаная обувь	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,35	1,7	

другом: если нижнее захоронение не нарушено, то вероятно погребение (чаще всего) взрослого и ребенка, хотя возможно и более позднее подхоранивание последнего. При нарушенном нижнем (или соседнем) костяке напрашивается вывод о подхоранивании, т. е. речь идет о явно семейных усыпальницах. Это же может касаться могил с 3–5 костяками.

Касаясь сохранности останков покойных, отметим прежде всего, что по могильникам XII–XV вв. удалось установить ее у 54,8 % погребений и еще 38,45 % могил оказались нарушенными, что не позволило брать их в расчет, дабы не ошибиться. Выяснилось, что всего 22,1 % костяков из числа установленных имели хорошую сохранность, 14,3 – удовлетворительную и 63,6 % – плохую. На могильниках XVI–XIX вв. сохранность останков выявлена у 59 % захороненных, а 29,9 % костяков были нарушены. Хорошее состояние костей зафиксировано у 36,25 %, удовлетворительное – у 40, плохое – у 23,75 %. Повидимому, временной фактор имеет решающее значение для сохранности человеческих останков. Кроме того, в 9 погребениях Еманаевского могильника сырых костей скелета нет – в 7 случаях они кремированы, а 2 захоронения являлись условными. В 9 могилах на Поксте нет никаких костей (там вообще сохранность плохая), а в двух найдены лишь отдельные кальцинированные косточки, что еще не говорит, однако, об обряде кремации – сырые кости могли полностью истлеть, – поскольку в трех ингумированных захоронениях тоже найдены сожженные кости. Не обнаружены кости трех умерших на двух поздних кладбищах – Никульчинском II (2) и Спасском (1), где они, очевидно, истлели полностью.

Антропологическое исследование умерших проводилось, к сожалению, на весьма ограниченном материале. Так, вятские (кировские) антропологи исследовали черепа 6 захороненных из Усть-Чепецкого могильника (раскопки Л.А. Сениковой) и выявили: три черепа мужчин (16–18, 35 и 50–60 лет) европеоидного типа; два – женщин (30–35 лет), один – европеоидного, второй – монголоидного типа; один череп ребенка 2 лет. Это дало повод авторам сделать вывод о полиэтничном (древнерусско-удмуртском) характере могильника с преобладанием индивидов европеоидной расы²⁸. По поздним памятникам половозрастное определение провел на материалах Никульчинского II могильника казанский антрополог Р.М. Фаттахов. Здесь абсолютно преобладали (рис. 8) детские захоронения (24 из 31), причем у половины захороненных удалось установить возраст – от новорожденных младенцев (1), малышей до полугода (3), года (5) и полутора лет (1) до детей 4–5 (1) и 6–7 (1) лет. Из 7 взрослых костяков 3 принадлежали женщинам 20–30, 25–35 и 35–45 лет, четыре – мужчинам 25–35, 30–45, 30–50 и 35–50 лет²⁹. В остальных случаях пришлось довольствоваться промерами роста умерших или даже размеров могильных ям. По некрополям XII–XV вв. получилась такая картина: возраст определен у 75,8 % покойных, из них 47,4 % – взрослых, 16,9 % – подростков (эта группа условно выделена по росту умерших – 140–150 см), 35,7 % – детей. По поздним могильникам возраст установлен в 77,1 % случаев; 33,5 % – взрослые, 5,7 % – подростки, 60,8 % – дети. Таким образом, налицо явная тенденция увеличения детской смертности. Наглядное объяснение этому дает палеопатологический анализ костей умерших с 5 разрушенных вятских кладбищ XVII–XVIII вв., проведенный М.П. Грязновым и Д.Г. Рохлиным. Треть костей имела явные следы болезней: туберкулеза, рахита, ревматизма, остеомиелита, сифилиса, различных опухолей, а также механичес-

ких повреждений. В связи с этим М.П. Грязнов отмечает, что причинами многочисленных болезней и высокой смертности являлись теснота и антисанитария, а также полное отсутствие врачебной помощи (первый врач в Вятке появился на некоторое время только в 1760 г.)³⁰.

На могильниках выявлены остатки внутримогильных конструкций. На некрополях XII–XV вв. они зафиксированы в 33 погребениях (11,7 %), причем почти во всех случаях это фрагменты деревянных гробовиц (93,9 %), чаще всего без гвоздей (60,6 %). Лишь на Усть-Чепецком могильнике выявлено по одной могиле с деревянными и железными гвоздями, а на могильнике Покста в трех захоронениях найдены железные гвозди без остатков гробовиц. На Усть-Чепце прослежены и дополнительные детали, связанные с погребениями в гробу: подстилка на дне, сделанная из органических материалов (возможно, войлока, меха, мелких веток); береста, покрывающая гробовицу сверху; кора, в которую завернут помещенный в гроб умерший. Кроме того, трижды выявлены подстилки под останками покойных без гробовиц, сделанные из коры, бересты или какой-то органики. В двух могилах умершие были завернуты в бересту и так похоронены. Использование перечисленных деталей в устройстве погребальной камеры закономерно связывается с местным финно-угорским субстратом³¹. Однако эти приемы, в том числе заворачивание покойных в бересту, покрытие ею гробов, использование берестяной подстилки, хотя и не часто, бытовали и в обряде древнерусского населения³².

На кладбищах XVI–XIX вв. погребальные конструкции выявлены в 115 погребениях (42,4 %). Они представлены гробовищами без железных гвоздей (71,3 %) или с гвоздями (13,9 %), единично – с оковками (0,87 %; рис. 8, 1). Иногда бывшее наличие гроба выдают железные гвозди (5,2 %). Обнаружены два бесспорных погребения в колодах. Одно – на Подчуршинском кладбище, где могильная яма имела округлое дно и покатые стенки (размер конструкции 188 x 24 – 33 см); – по давнишнему (1865 г.) сообщению П.И. Лерха, который исследовал здесь захоронения именно в колодах. Второе – это захоронение ребенка в долбленном корытце (63 x 16 см) на Михайловском кладбище, причем, судя по наличию под черепом остатков кошелька с крестиком и двумя медными монетами второй половины XVIII в., это было погребение крещеного удмуртского ребенка (см. рис. 9, 3). На этом же могильнике в одном из захоронений в стороне от гроба выявлены следы доски от "полатей" – дощатого перекрытия над гробовищем с останками (судя по нателному кресту) женщины-староверки, причем последнее подтверждается и отсутствием железных гвоздей у гроба (см. рис. 9, 1): как известно, старообрядцы скрепляли домовины деревянными шипами или гвоздями либо перевязывали ветвями черемухи или лыковыми веревками³³ – явное наследие традиций дониконианской поры. О конструкции старообрядческих гробовиц и могил подробно рассказал уроженец д. Степаненки Кезского района Удмуртской Республики, директор местной школы Григорий Иванович Бузмаков, набросавший и схему домовины (рис. 4). Гроб делается из плах в виде ящика, все плоскости которого скрепляются с помощью лыковых веревок длиной 1,5–2 м (нити последних скручиваются влево), подергиваемых в угловые отверстия плах, где они фиксируются специально изготовленными клинышками. В придонной части длинных боковых плах вырезаются пазы в "ласточкин хвост" (по два с каждой стороны), в которые вставляются бруски. Дно делается из продольного жердевого наката, крышка – из двух

плах, имеющих помимо угловых отверстий еще и по два других, сдвинутых к середине крышки. После фиксации обеих досок крышки веревками под них вставляется сужающийся клин, делающий натяжение веревок надежным. На дно домовины укладывают березовые веники с обрубленными комлями, лишь после этого в гроб помещают покойника. После церемонии прощания крышку гроба закрывают. Для того чтобы грунт не осыпался в могилу, по ее периметру делают сруб из жердей в два венца (эти же жерди предотвращают осыпание могильного холмика). Яма копается неглубокой ("по грудь") – не более 140–150 см. После опущения гроба в могилу над ним изредка сооружают полати из плах, опирающиеся на поперечные переводы, лежащие на вбитых в дно ямы кольях (именно так были устроены полати над гробом моего отца, умершего в 1996 г. на нашей родине – в с. Карсовой Балезинского района Удмуртии). По информации этнографов, "в начале XX в. неожиданно быстро распространился обычай "строить полати" или "настил" над гробом, а потом уже засыпать землей"³⁴. Однако находка на Михайловском кладбище позволяет удревнить истоки этого обычая по крайней мере на два века. В Западной Сибири полати устраивались из бревенчатого наката и иногда с опорой не на столбы, а на продольные заплечики³⁵. Возвращаясь к внутримогильным конструкциям XVI–XIX вв. в Вятском крае, отмечу, что на Зуево-Ключевском III могильнике помимо одного захоронения в гробу, сколоченном железными гвоздями, зафиксировано 5 детских костяков, завернутых в кору. В одной из могил Никульчинского II могильника удалось выявить остатки подстилки-циновки.

Умершие обычно лежат вытянуто на спине, но выявлено и несколько захоронений с подогнутыми ногами. Четыре таких случая зафиксированы на памятниках XII–XV вв. На Еманаевском могильнике у одного умершего ноги были согнутые в коленях с поворотом налево (см. рис. 4, 1), у другого – направо, на Никульчинском I было погребение с левым поворотом ног (см. рис. 6, 1), на Усть-Чепецком – с правым. На более позднем Благодатском могильнике выявлено захоронение ребенка, лежавшего на левом боку с подогнутыми ногами, сопровождавшееся крестиком. Никаких оснований связывать эти захоронения с нерусским этносом нет, поскольку каких-либо других отклонений в обряде они не имеют. Если исключить патолого-анатомические причины (хотя и они вероятны), то требуется объяснить такое положение костяков. Интересную версию высказал А.П. Моця, связав погребения с подогнутыми ногами с могилами волхвов. Пытаясь обезопасить себя от умерших колдунов, люди связывали их веревками, подрезали подколенные жилы, завязывали в мешки и т. п., следствием чего и было скорченное их положение³⁶. Однако обнаружение детских скорченных захоронений заставляет более осторожно относиться к этому предположению. И.П. Русанова и Б.А. Тимошук, по крайней мере, эту версию, как и мнение о захоронении упырей (по М. Ковальчику), поставили под сомнение, высказавшись в пользу точки зрения о принесении в жертву богам врагов, обладавших, как считалось, вредоносным воздействием, например христиан, кровь которых была особенно угодна языческим богам³⁷. Однако фольклор и этнографические данные³⁸ все же возвращают нас к предположению о боязни людей перед колдунами и упырями, от возможных действий которых стремились обезопасить себя и близких. Отношение к таким покойникам, а также к умершим неестественной смертью ("заложным", "нечистикам") как к вредоносным выражалось в разнообразных средствах защиты от них: забивали в могилу осиновый кол, разрывали

могилу и оскверняли труп – расчленили либо переворачивали лицом вниз, иногда сжигали, выбрасывали в болото, растаскивали по полю конями, перезахоранивали в лесу на развилке дорог, бросали на съедение собакам, причем эта практика дошла до XIX и даже XX вв., хотя и противоречит учению православной церкви о почитании нетленных мощей. Тем не менее эти народные представления были настолько живучи, что невольно влияли и на взгляды русского духовенства, вследствие чего появилось убеждение, что нечистый труп оскверняет землю, освященную церковью. Поэтому неспроста эти категории покойных запрещалось отпевать и хоронить у церквей и даже на общих кладбищах. Есть и факты участия священников в осквернении таких могил³⁹.

Положение рук умерших выявлено далеко не во всех погребениях. Так, на могильниках XII–XV вв. это удалось сделать у 90 покойных (32,1 %), в остальных случаях кости рук сохранились частично (22,4 %) либо вообще истлели (39,85 %). Для анализа этого признака обряда разработана схема, в которой учтены, кажется, все возможные варианты (всего их 16) расположения рук умерших, лежащих вытянуто на спине (рис. 7). У наибольшего числа погребенных обе руки были согнуты в локтях, а кисти рук сложены у таза (вариант 8; 25,6 % от числа установленных). Несколько реже (20 %) фиксировалось положение левой руки вдоль тела, а кисти правой у таза (5), либо на груди (7; 11,1 %). Положение рук вдоль туловища (1), характерное для языческой традиции, встречается нечасто (7,8 %), но упомянутые выше варианты сами по себе являются переходными к православным. Остальные варианты встречаются единично. На могильниках XVI–XIX вв. положение рук умерших установлено в 113 захоронениях (41,7 %; рис. 2, 3), имеют неполную сохранность костей рук 53 погребения (19,6 %), в 73 случаях кости не сохранились (26,95 %). Как и в более ранних некрополях, положение кистей рук у таза (8) здесь также довольно распространено (21,2 %), но еще чаще встречалось положение рук в области пояса (13; 23,9 %) и довольно часто (9,7 %) правого предплечья – на поясе, левого – на груди (14). Это свидетельствует об укреплении православных традиций в похоронном ритуале. Что касается положения рук вдоль тела (1), то, несмотря на, казалось бы, заметную распространенность этого варианта (11,5 %), делать вывод о языческом влиянии не приходится, так как все такие случаи выявлены в детских захоронениях. До сих пор как-то вятно объяснить различия в положении рук умерших не удается, ясно только, что расположение предплечий в области грудной клетки более свойственно поздним погребениям⁴⁰.

Ориентация умерших в могилах характеризует христианскую обрядность: абсолютное большинство их располагалось головой в прозападном направлении (запад, запад-юго-запад, юго-запад): на могильниках XII–XV вв. – 90,7 % от числа погребений с выясненной ориентацией, XVI–XIX вв. – 85,8 %. Остальные направления либо связаны с прозападными (северо-запад, запад-северо-запад, юго-юго-запад) – 8,9 % и 11,92 %, либо чрезвычайно редки – 0,4 и 2,28 %. Последнее, возможно, связано с нерусскими (очевидно, удмуртскими) этническими вкраплениями⁴¹. Вообще же положенная по христианским правилам ориентация могил с запада на восток соблюдалась весьма условно, особенно в сельской местности, что и приводило к довольно широкому разбросу в ориентации умерших⁴². Впрочем, нарушение канона наблюдалось и в городах, в том числе и в храмах, когда умершие располагались головами на север или на юг – в соответствии с планировкой церкви⁴³.

Как известно, христианский обряд требует полной безынвентарности захоронений. Однако в период после введения христианства, в XI–XIII вв., традиции язычества оставались основой мировоззрения славян, влияя и на похоронный обряд. И все же православие хотя и медленно, но все более заметно прокладывало себе дорогу: уже в XI–XII вв. инвентаря в могилах становится мало на некрополях Среднего Поднепровья, Новгородской земли, Верхнего Поволжья. А в захоронениях XIII в. сопровождающие на тот свет покойника вещи обнаруживаются крайне редко, как, например, на кладбище XII–XIII вв. в Ярополче-Залесском, где из 45 могил в одной обнаружены три височных кольца и стеклянный браслет, а в некоторых – височные перстнеобразные кольца⁴⁴.

Славяно-русские могильники Вятского края характеризуются почти полной безынвентарностью. Предметы, обнаруженные на ранних могильниках (14,9 % погребений), носят не столько сопроводительный, сколько ритуальный характер. Первые единичны. Так, на Никульчинском I могильнике, по сведениям Л.П. Гусаковского, местные жители нашли какие-то бронзовые украшения в одной из разрушенных ими могил⁴⁵. На Еманаевском могильнике в парном захоронении найдены два наконечника стрел X–XIII и X–XIV вв. (типы 61 и 40, по А.Ф. Медведеву⁴⁶), которыми были убиты покойные. В другом захоронении, без признаков костяка (предположительно – кенотафе), в придонной части обнаружен бронзовый дровяной браслет с несомкнутыми концами, слегка сплюснутый с боков, датируемый концом I тыс. н. э. – XIV в.⁴⁷ В межмогильном пространстве найдены два фрагмента белоглиняной тонкостенной керамики с примесью дресвы в тесте, характерной для XII–XIV вв.⁴⁸ В некоторые могилы попали вещи из более раннего городищенского слоя VII–X вв. – фрагменты глиняных изделий (лячек, пряслица, лепной посуды) и шлак. На могильнике Покста в 24 могилах обнаружены фрагменты гончарной керамики, в одной – железная скоба, а из поселенческого слоя эпохи финальной бронзы – раннего ананьина в могилы попали кремневые изделия и лепная керамика, из древнерусского слоя – сплеск бронзы, обломок железной вещи, шлак, зубы лошади (часть гончарной посуды также могла попасть из этого слоя)⁴⁹.

На Усть-Чепецком могильнике инвентарь обнаружен в 8 захоронениях: в четырех – единичные фрагменты керамики, в одном – керамика вместе с костями животных и скобой, в другом – керамика вместе с галькой, в третьем – галька с зубом животного, в четвертом – известняковая плита. В межмогильном пространстве также найдены фрагменты древнерусской керамики. По профилировке венчиков керамика датируется XIII–XV вв., в примесях она содержит песок или песок и раковину, песок и шамот, что свойственно древнерусской посуде Вятской земли этого времени⁵⁰. Погребение с известняковой плитой (26 x 20 x 8 см) в изголовье детского захоронения (№ 11)⁵¹ имеет известные аналогии в древнерусских материалах: в 14 городах на 25 кладбищах выявлено порядка 100 захоронений XI–XIV вв., в которых под черепами (иногда в ногах) положены так называемые каменные подушки (строительные детали из разрушенных церковных построек – целые или в обломках плинфы, кирпичи, куски раствора, шиферные или терракотовые поливные плитки, плоские камни). Этот обычай в качестве реликта имеет продолжение и в погребениях XV–XIX вв. Он трактуется как символ аскетического образа жизни, призванный подчеркнуть нарочитую бедность покойного, как правило состоятельного при жизни. Обычай этот зародился, вероятно, в крупных монастырях Киева и Чернигова, откуда проник в другие древне-

русские города⁵² вплоть до самых восточных, например Городца на Волге⁵³. Не исключено, что отзвуки этой традиции докатились до Вятки именно оттуда вместе с волной переселенцев. Смущает только то, что в Усть-Чепце погребение не взрослого, а ребенка. Что касается обломков керамики в заполнениях могил и межмогильном пространстве, то, по общепринятой точке зрения, это связано с восточнославянским обрядом "битья посуды"⁵⁴. Кости и зубы животных в насыпях курганов и засыпке могил воспринимаются у восточных славян как следы поминального пира, бытовавшего вплоть до XX в.⁵⁵ В могильниках чепецкой культуры XI–XIII вв. костей животных не выявлено, иногда обнаруживались лишь птичьи косточки⁵⁶. На позднеудмуртских кладбищах кости животных (лошади, свиньи?) располагались в основном в межмогильном пространстве, реже в засыпке могил (т. е. представляли собой остатки поминальной тризны) и чрезвычайно редко – при умерших (как заупокойная пища)⁵⁷. Поэтому наличие костей животных в Усть-Чепецком могильнике еще раз может свидетельствовать о смешанном составе умерших. Кварцитовые гальки (если исключить их случайное попадание в могилу) могли играть роль кремня для кресала; находки их широко известны как у восточных славян, так и на Чепце и позднеудмуртских кладбищах⁵⁸. Железные скобы вряд ли были связаны с крепежом погребальных конструкций, скорее всего, это сохранившиеся детали каких-то бытовых изделий. Таким образом, анализ инвентаря древнерусских погребений Вятского края показывает довольно заметное место языческих обычаев в похоронном обряде населения и явное преобладание находок ритуального характера.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в древнерусских захоронениях региона крестов-тельников и иконок, равно как и языческих амулетов (на поселениях они встречаются нередко). На древнерусских землях эти атрибуты православия попадали в могилы в течение незначительного промежутка времени – с середины XI до середины XIII вв. (чаще – до рубежа XII–XIII вв.)⁵⁹. В дальнейшем их при погребении не использовали, во всяком случае на протяжении XIII–XVI вв. они практически не встречаются. Предполагается, что они либо просто не сохранялись, поскольку изготавливались из кожи или воска специально для погребения, либо передавались по наследству⁶⁰. К этому можно добавить, что крестики могли вырезать и из дерева – в могилах вятских священников XVII–XVIII вв. были обнаружены кипарисовые крестики. Однако отсутствие крестов в могилах XIII–XIV вв. еще не означает, что христианство было слабо распространено (хотя, как мы увидим ниже, иногда это заключение справедливо). Наоборот, использование культовых православных амулетов характерно лишь для самых ранних этапов приобщения к христианству, когда принявшие крещение стремились продемонстрировать свой переход к новой религии посредством внешних атрибутов. При упорении христианина такая демонстрация становится излишней и необходимость хоронить с крестиками и образками исчезает⁶¹.

Обычай хоронить с крестиками возрождается, по-видимому, в XVII в., когда реформа Никона вызвала жесткое противостояние официальной церкви и старообрядчества (вплоть до запрета медного литья). Вновь возникла потребность продемонстрировать принадлежность к конкретному течению православия, обнаружившаяся в появлении в захоронениях крестов-тельников. Как известно, кресты старообрядческие и никонианские имеют достаточно существенные различия и в изготовлении, и в оформлении⁶². Погребения вятских могильников XVI–XIX вв. также содержат некоторое количество инвентаря – 21,8 %, или 59 могил (см. рис. 8). Из них только в четырех нет крестов-тельников.

Здесь найдены две свинцовые пули (Котельнич), две пуговицы из свинца (Спасский), серьга и остатки кожаной обуви (Орлов). Показательно, что в более ранних могильниках находки крестов единичны (Котельничский-1, Орловский-3) или вообще отсутствуют (Моторкинский III). Всего обнаружено 55 телеников конца XVI–XIX в., чаще всего располагавшихся в области шеи или грудной клетки, без какого-либо другого сопровождающего инвентаря. Однако иногда вместе с крестиками обнаруживаются и другие находки: две медные монеты-денги, лежавшие вместе с крестиком в остатках кошелька (Михайловский), пуговицы (по одной в Никульчинском II и Хлыновском II), серьги со стеклянными вставками (по две в двух погребениях Никульчинского II), остатки кожаной обуви и височное кольцо (то и другое в Спасском)*.

Нельзя не отметить по-своему уникальный памятник – братскую могилу у д. Северюхи, дважды раскапывавшуюся любителями в 1938 и 1961 гг. На глубине 2 м на выстилке древесного угля толщиной 5–10 см обнаружен сплошной слой человеческих скелетов (более 20) без черепов (они лежали отдельно). В 1938 г. было найдено оружие (по воспоминаниям одного из старожилов, "обломки копий и другое вооружение", другого – "очень длинный пистолет, два ружья и сабля"), которое сдали в сельсовет и дальнейшая судьба которого не известна. В ходе раскопок 1961 г. на глубине 1,6 м (т. е. в засыпи) найдены железная сабля и вток**, а на уровне 2 м (т. е. на уровне нахождения человеческих останков) – железные наконечник копья, секира, три круглые пластины. Судя по аналогиям, находки датируются XIV–XVI вв.⁶³ По сведениям И.М. Осокина, на месте могилы находилась часовня, в которой стоял восьмиконечный деревянный крест в одну сажень высоты с надписью и плохо читаемой датой⁶⁴. Позднее П.Н. Луппов привел эту дату – 1547 г. Время ли это сооружения часовни или дата битвы – неизвестно⁶⁵.

Обратимся к способу погребения умерших. В первую очередь обращает на себя внимание Еманаевский могильник (см. рис. 5), центральная часть которого в виде овала размером 14 x 7 м не занята могилами (два более поздних захоронения не в счет) и оконтурена семью погребениями с полной и двумя – с частичной кремацией покойных, а также захоронением черепа и единственным на некрополе парным погребением людей, убитых стрелами, очевидно с ритуальной целью. Тут же найдены два фрагмента древнерусской керамики – свидетельства языческого обычая "битья посуды" при похоронах. К югу от этой площадки исследованы еще два погребения с частичной кремацией, захоронение черепа и две ямы без признаков костяка (в одной и был найден браслет) – по-видимому, кенотафы. Эти и почти все остальные могилы расходятся от центральной площадки, соответственно меняя ориентацию. Погребения с трупосожжениями отличаются меньшими размерами и глубиной (как, впрочем, и могилы с частичной кремацией и кенотафы), в их засыпи врассыпную выявлены мелкие кальцинированные кости. При частичных трупосожжениях кремации подвергались либо нижняя часть тела, либо все тело, исключая голову. В про-

* Выражаю глубокую признательность своим коллегам – Т.К. Ютиной и И.Г. Шапран за возможность использовать неопубликованные материалы раскопок Благодатского и Спасского могильников.

** "Вток" (от слова "втыкать") – втульчатое острие, закрепляющееся на противоположном конце древка копья, обычно втыкавшемся в землю во время отдыха (по форме напоминает наконечник копья).

тивоположных от центральной части сторонах могильника исследованы два захоронения умерших с подогнутыми (влево и вправо) ногами – возможно, могилы волхвов или упырей.

По многим признакам Еманаевский могильник является уникальным среди славяно-русских некрополей. Сосуществование двух способов захоронения – кремации и, через частичное трупосожжение, ингумации – удовлетворительно объяснения пока не находит. Переход от одного обряда к другому в большинстве восточнославянских земель совпал по времени с введением христианства (IX–X вв.). Однако это лишь совпадение, поскольку известны случаи появления ингумаций в более раннее время. Таким образом, сам переход к трупоположению являлся на самом деле развитием языческих традиций, и особенно это касается сельского населения, у которого переход к новой идеологии начинает оформляться не ранее XII в.⁶⁶ В областях, где смена обряда по каким-либо причинам задерживалась, церковь вела решительную борьбу за искоренение кремации покойных, как это было в XI–XII вв. в земле вятичей⁶⁷. Однако обряд кремации на Руси был связан с курганными традициями. Исключений немного: например, кремирование покойных и помещение их останков в бескурганные ямы практиковалось древлянами в VI–IX вв.⁶⁸ У новгородцев переход от захоронений в сопках к грунтовым могилам и жальникам происходит, очевидно, через стадию кремации у основания сопки или же в ее поле⁶⁹. Что касается погребений с частичным трупосожжением, то у исследователей сложилось мнение о них как о промежуточной ступени между двумя названными способами захоронения⁷⁰.

Истоки обряда кремации в какой-то мере можно связать и с поволжско-финским населением, вошедшим как компонент в состав древнерусской народности. Например, Поповский могильник VI–VII вв. на р. Унже и одиночное захоронение VII в. на одноименном городище содержали только могилы с трупосожжением⁷¹. Обряд кремации наряду с трупоположением выявлен на могильниках IX–XI вв. в междуречье Ветлуги и Вятки, где процент таких захоронений невелик (Кочергинский, Веселовский, Дубовский, Юмский могильники, "Черемисское кладбище"). Однако зафиксированный здесь обряд отличался как своим разнообразием (3–4 варианта), так и отсутствием могил с частичной кремацией и наличием в них вещей⁷². Не исключено, впрочем, что эти отличия обусловлены хронологическими изменениями.

Необычно веерообразное в плане расположение могил, соответственно меняющих ориентацию. Поэтому наряду с обычным расположением покойных головой на запад с отклонениями к югу в 13 могилах умершие лежали головой на запад-северо-запад и северо-запад. Рассмотренный нами комплекс Еманаевского могильника в этом отношении похож на некоторые могильники Новгородской земли X–XIII вв. (Федовский, Шелгуновский, Михайлоархангельский и др.), где могилы также располагались веером, окружая более ранние сопки. При этом в ряде случаев в полах сопок или под ними выявлены остатки сожжений (Южное Победище, насыпь 2, и, возможно, Деревяницкий могильник), что трактуется как переходное звено от захоронений в сопках к грунтовым погребениям⁷³. В этом плане топография ранней части Еманаевского могильника весьма близка таковой на новгородских некрополях и отражает, очевидно, воспоминания о бытовавшей некогда на родине традиции. Возникает законный вопрос: если на Новгородчине объектом поклонения были сопки, на вершинах которых явно распо-

лагалось нечто святое для язычников (неспроста потом на некоторых из этих сопок ставились часовни или церкви), то что же могло находиться в центре Еманаевского некрополя? Имелось ли на свободной от могил площадке какое-нибудь легкое сооружение, которое не оставило следов в грунте, или что-то другое находилось за пределами раскопа? Нельзя исключить и того, что культовая постройка могла находиться ближе к валу городища – к западу от раскопа. И все же более предпочтительной, на мой взгляд, для ее размещения была именно центральная площадка. Здесь на стыке участков Л/10 и М/10 зафиксирована яма VI размером 105 x 77 x 59 см подпрямоугольной формы с наклонными стенками и уплощенным дном, которая могла быть составной частью древнерусского культового сооружения, тем более что обнаруженные в ней находки (шлак, кости животных, кальцинированные кости) оставляют вопрос о ее датировке открытым. Поэтому отнесение ее к слою городища, на мой взгляд, условно⁷⁴. В любом случае перед нами бесспорно языческое явление.

Попробуем теперь реконструировать весь комплекс.

Для воссоздания былого археологических данных у нас явно маловато. Поэтому приходится обращаться к раскопанным культовым сооружениям других регионов и этнографическим материалам. Б.А. Рыбаков приводит варианты круглого и прямоугольного в плане святилищ со следами идолов и жертвенников зарубинецко-черняховского времени. Приведенная им реконструкция круглого храма опирается на сочетание археологических остатков святилища на зарубинецком поселении Грудок с основаниями для трех идолов и с жертвенником в центре с этнографически зафиксированной украинской пастушеской колибой с огромным очагом в центре и русской вышивкой с изображением богини Макоши в центре храма и двумя идолами Лады и Леля – по бокам. Для всех трех источников характерен проем в крыше, т. е. она не сомкнута, что необходимо для выхода дыма. Предложенный ученым вариант реконструкции дает пример поразительного (до деталей) совпадения разнохарактерных источников⁷⁵.

В последние годы весьма плодотворны были исследования славянских языческих святилищ И.П. Русановой и Б.А. Тимощуком. Затронули они и вопрос о храмах, дав их определение ("собственно храмами, в противоположность открытым капищам, можно считать закрытые помещения, в которых стояли идолы"), описав сооружения западных славян и более подробно обрисовав исследованные ими культовые постройки на святилищах Западной Украины⁷⁶. Западнославянские (а точнее, прибалтийско-славянские) храмы представляли собой деревянные прямоугольные двухкамерные сооружения с идолом в одной из камер, стены их (судя по раскопкам в Гросс Раден) воздвигались из вертикально поставленных плах, обшитых снаружи досками. Прикарпатские храмы были двух видов – наземные и углубленные. Наземные (Зеленая Липа, Рудники) имели подквадратную форму (около 5 x 5 м), двойные бревенчатые стены, обмазанные глиной, почти в центре находилась яма (диаметром 0,6 м) с каменной забутовкой из-под основания идола, перед которой (Зеленая Липа) располагалась неглубокая круглая яма с лежащим головой на запад мужским костяком⁷⁷. Углубленная постройка (Звенигород) была врезана в склон (0,3–1,1 м), имела котлован подпрямоугольной формы (4,3 x 3,6 м) и перекрытие, опиравшееся сверху на каменный склон, а внизу на ряд столбов; признаков стен не зафиксировано. Слева от входа, в углу, лежал каменный идол (195 x 70 x 20 см), под которым была круглая яма, забитая камнями (130 x 108 x 64 см), а перед ним кострище. По правую от входа

сторону было рассыпано много обгоревшего зерна, лежали два обломка жерновов и кости человека (череп и разрозненные кости конечностей), другие находки⁷⁸.

Проблема реконструкции языческих храмов восточных славян активно обсуждается и этнографами. Так, И.М. Денисова такие мотивы народного искусства, как треугольник, увенчанный розеткой, либо крестообразной фигурой, либо растительными элементами или даже деревом, пытается связать с изображением ритуальных шалашей или жилищ с печным столбом в центре – прообразов языческих храмов славян⁷⁹. Развивая эти идеи, она высказывает предположение, что четких описаний языческих древнерусских храмов не сохранилось из-за их внешней простоты, между тем в культуре восточных славян есть явные следы существования в прошлом храмов со священным деревом или его рудиментом в центре. Более того, ею приводится пример такой часовни с деревом внутри в Верхнем Прикамье, в пос. Керчево. И.М. Денисова приходит к выводу, что храм конической формы не являлся единственным видом храма в Древней Руси до принятия христианства, но был одним из древнейших, что особенно полно отразилось в севернорусских шатровых церквях, а корни главы шатрового храма она прямо выводит из язычества⁸⁰.

А.А. Шенников для выяснения спорных вопросов привлекает финно-угорские и тюркские материалы. Им выявлены два этапа в развитии языческих храмов: вначале появилась закрытая постройка с идолами, но ритуальные действия производились снаружи; потом формируется более сложное сооружение – не только с идолами, но и с очагами и устройством для удаления дыма. Автор прослеживает эволюцию культовых построек (амбар-храм, кухня-храм) на примере вышивок. Обратившись к надгробиям, А.А. Шенников, для которого их языческое происхождение бесспорно, пришел к выводу, что это модели отнюдь не жилых изб, но храмов (имеются в виду надгробия с фонарями). Точно так же языческое происхождение имеют храмы с шатровым покрытием⁸¹. Приведенные ученым в качестве доказательств рисунки надгробий и храмов с фонарями и шатрами из музейных архивов и "Альбома Гейерберга" (1661 г.) убедили меня в необходимости использовать именно эти архитектурные формы для реконструкции Еманаевского могильника (рис. 9). К сожалению, наземные следы постройки проследить здесь не удалось (вероятнее всего, они распаханы), поэтому ее предположительные контуры весьма произвольны.

Что касается оформления надмогильных памятников, то при их реконструкции я исходил не только из необходимости как-то обозначить погребения с разными типами погребального обряда, но и из источников, которые в какой-то степени подтверждают мои предположения. Относительно могил с кремациями из древнерусских источников и сообщений Ибн-Фадлана (X в.) известно, что на вершине кургана после похорон устанавливали столб (бдын) и писали на нем имя умершего. Б.А. Рыбаков соотносит языческие бдыны с северно-русскими (часто старообрядческими) надмогильными памятниками в виде массивных столбов ("голбцов") с небольшими двускатными кровлями наверху и иконками⁸². Однако есть и почти полные аналогии: по материалам этнографов, в Верхнем Прикамье у многих староверов "раньше" крест на могилы не ставили, "только кольшечек", а на могилы клали "камушек" (от "беса")⁸³. По сведениям упомянутого выше Г.И. Бузмакова, у верхнекамских старообрядцев и в настоящее время практикуют захоронения без установки памятника, когда делают лишь затес на соседнем дереве и проставляют инициалы покойного, если же

дерева рядом нет – устанавливают жердь, на которой и делают затес с надписью. Я не склонен считать это прямой параллелью с язычеством (хотя в сохраняющихся дониконовских практиках и воспроизводятся некоторые элементы языческой обрядности)⁸⁴, поскольку в годы преследования старообрядцев властями и официальной церковью они отказывались погребать покойных по православному чину, считая это "незамолимым грехом", и хоронили умерших тайком, не дожидаясь трехдневного срока, нередко ночью, а чтобы священник потом не мог совершить отпевание над могилой, делали ложные надгробия⁸⁵.

Частичные кремации помечены столбами с кровлями (севернорусского типа, которые упоминал Б.А. Рыбаков). Кенотафы имеют обозначение в виде столба с поперечной перекладиной – символ искусственный. Погребения черепов помечены столбиками. Все указанные выше захоронения обозначены земляными холмиками. Могилы с ингумациями имели надгробия в форме построек с фонарями, причем более ранние отмечены столбиками, а более поздние – крестами, как с кровлями, так и без них (предполагается, что это уже православные захоронения, не вписывающиеся в раннюю языческую планировку могильника и зачастую нарушающие ее). Представленная реконструкция – это, кажется, первая попытка такого рода, а насколько она близка к реалиям древности, покажет время.

Таким образом, Еманаевский могильник отражает тот период славянской колонизации, когда происходит переход от языческих верований к православию, т. е. от домонгольского времени к золотоордынскому (конец XII–XIII вв.). Одной из причин появления здесь славян является их бегство от христианизации, отмеченное автором "Казанской истории"⁸⁶.

Другой могильник, также занимающий особое место в ряду древнерусских некрополей, – Покста (см. рис. 6). Здесь могильные ямы на фоне культурных напластований фиксировались плохо, даже в профилях раскопа определить их границы, особенно в древнерусском слое, удавалось с трудом. Всего исследовано 86 погребений, многие из которых были разрушены обрывом реки, дорогой и поздними ямами. Немало и взаимонарушений могил, свидетельствующих о длительности функционирования могильника. Погребения располагались девятью рядами. Сохранность костей плохая, в ряде случаев удалось зафиксировать их местоположение лишь по отпечаткам или пустотам в грунте, в 9 могилах кости не обнаружены совсем.

Кроме могил с явными признаками труположения, обнаружены две ямы с единичными кальцинированными костями в засыпи, такие же встречены и в трех могилах с ингумациями. Обнаружение в засыпи и на дне нескольких погребений древесного угля (рис. 6, 5, 6) также обоснованно трактуется как пережиток традиций трупосожжения⁸⁷. (Признаки огненного ритуала выявлены также на Усть-Чепецком могильнике, где угли обнаружены в засыпи и на дне трех погребений, и на Никульчино I, где на костях одного из погребенных было найдено скопление угля. Слой угля на дне Северюхинской братской могилы, если эти данные верны, также свидетельствует в пользу данного ритуала. Культ огня ярко выражен и на могильниках чепецкой культуры, где в засыпи большинства могил обнаружены углистые включения и пятна⁸⁸. Остатки этого ритуала сохраняются и у поздних удмуртов (чаще у северных), в каждом пятом погребении которых выявлены зольно-углистые включения, а изредка и углистые пятна⁸⁹. Вхождение вятских удмуртов в состав древнерусского насе-

ления вполне могло продлить эту архаичную традицию. Впрочем, последняя могла довольно долго сохраняться в старообрядческой среде. Например, в насыпи упомянутой выше старообрядческой женской могилы Михайловского кладбища (см. рис. 3, 1) зафиксировано углистое пятно (если, конечно, это не следствие пожара в Ижевске в 1810 г., во время которого сгорела и Троицкая кладбищенская церковь). Присутствие фрагментов гончарной керамики в насыпи четверти захоронений (могильник Покста) вряд ли случайно, оно является бесспорным реликтом обычая "битья посуды"⁹⁰, что вполне соответствует архаичности обряда на этом некрополе.

Для установления возраста поселения и могильника надо учесть некоторые обстоятельства. Во-первых, слой селища нарушен могилами, следовательно, датировка их различна. Во-вторых, по какой-то причине центральная часть площадки свободна от захоронений, не нарушены ими и канавы. Судя по всему, наличие какой-то постройки на центральной площадке вместе с окружающей ее изгородью, заглубленной в канавки, не позволило, естественно, копать могилы на их месте. Встает вопрос о характере предполагаемой постройки. Связь ее с кладбищем представляется бесспорной, поэтому, вне всякого сомнения, это была постройка культового назначения – часовня или церквушка; смущает, правда, малый размер площади – 7 x 4 м. К большому сожалению, как я уже указывал, ни внешний вид, ни размеры древнерусских деревянных культовых помещений до сих пор практически не известны. Это заставляет исследователей обращаться к более поздним постройкам и на основе метода ретроспекции выдвигать свои варианты⁹¹ либо использовать для реконструкции данные этнографии⁹². Состав находок в сооружении характерен для обычной избы с печью. Во всяком случае, ясно, что перед нами углубленная часть (подполье?) теплого помещения. При сохранении языческих пережитков в идеологии местного русского населения вполне возможно использование культовой постройки в качестве сооружения с функциями, не свойственными поздней христианской церкви, но достаточно обычными для поздних языческих храмов (кухня-храм)⁹³. И хотя такой религиозный синкретизм в наиболее яркой форме был присущ в основном домонгольскому времени, на периферии Руси, и в особенности в северных вечевых республиках, одной из которых была и Вятская земля, архаичные традиции сохранялись гораздо дольше⁹⁴. Что касается канавок, то одновременность их существования с могильником бесспорна. Отметим, что захоронения производились и во дворе постройки, и за ее изгородью. По православной традиции рядом с церковью хоронили наиболее уважаемых и богатых прихожан, а остальных – на некотором удалении. Любопытно, что могил с атрибутами языческих пережитков значительно больше за канавками 2 и 3 (каждая вторая), нежели рядом с постройкой (пятая часть).

Предложенная здесь реконструкция (рис. 10), как и в предыдущем случае, в основном базируется на материалах А.А. Шенникова. Это тем более закономерно, что на данном могильнике продолжало хоронить своих умерших явно то же население, которое погребало покойных и на Еманаевском могильнике. По результатам исследований специалистов, абсолютное большинство типов и вариантов русских православных церквей, появившихся до конца XVII в., выросло на местной языческой основе. Из Византии был заимствован фактически только тип каменного крестово-купольного храма, к тому же в дереве почти не воспроизводившийся. А наибольшее распространение получили на Руси церкви, покрытые шатром или фонарем⁹⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что могильник Покста оставлен русским христианским населением, имевшим в своей идеологии весьма заметные языческие пережитки. Судя по керамике, селище возникает в домонгольское время и функционирует в XIII – первой половине XIV вв. Во второй половине XIV в. на месте селища возводится культовая постройка (вероятнее всего, церковь), вокруг которой начинают хоронить умерших. Приблизительно к концу XV в. погребение покойных на кладбище прекращается, что в какой-то мере документируется находкой керамики, относящейся к XIV–XV вв.

И еще один яркий феномен древнерусской погребальной обрядности Вятского края – вероятные человеческие жертвоприношения. Об этом мне уже приходилось писать⁹⁶, поэтому лишь упомяну факты. На Шабалинском могильнике в погребениях двух умерших сверху между костей ног лежало по два черепа, очевидно отчлененных от чьих-то тел с ритуальной целью; здесь же обнаружен расчлененный костяк, части которого сложены в одном месте (рис. 6, 2–4); не противоречат такой трактовке и отдельные черепа, а также парные захоронения. На Еманаевском могильнике найдено парное захоронение людей, убитых стрелами также, возможно, с ритуальной целью; обнаружены два отдельно закопанных черепа (рис. 5, 4, 5). На поздних русских могильниках таких фактов пока не выявлено, что не исключает их обнаружение в будущем. Справедливости ради надо оговориться, что пока сам феномен принесения человека в жертву с ритуальной целью изучен явно недостаточно, каковое обстоятельство необходимо учитывать, формулируя выводы о бытовании такого обряда. Во всяком случае, здесь необходима крайняя осторожность.

В заключение подчеркну, что погребальный обряд русского населения Вятского края прошел путь эволюции от явно языческих традиций через их постепенное изживание до канонически безупречных христианских, сохранив тем не менее некоторые архаические элементы вплоть до наших дней. Особенно заметны эти черты в похоронных правилах старообрядческого населения, исследование которых позволяет выйти и на дохристианские реалии.

Примечания:

¹ *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ в свете данных археологии. – Л., 1976. – С. 149.

² Имеется в виду территория Камско-Вятского междуречья в пределах Кировской обл., Удмуртии и севера Татарстана, что в общем совпадает с рамками бывшей Вятской губернии.

³ *Археологические* раскопки в Вятской губернии // Вятск. губ. ведомости. – 1865. – № 48; *Лерх П.* Письмо (без заглавия) // Там же. – № 50; *Доклад* о действиях Императорской Археологической комиссии за 1865 г. // ОАК за 1865 г. – СПб., 1866. – С. XIII–XIV; *Алабин П.В.* Заметка относительно древностей Вятского края // Вятск. губ. ведомости. – 1865. – № 57.

⁴ *Протокол* заседания совета Кирово-Чепецкого народного музея от 17 дек. 1961 г. // Архив Кирово-Чепецкого музея. – 1961. – С. 1–2; *Атлас* археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области. – Кирово-Чепецк, 1995. – С. 8–9.

⁵ *Макаров Л.Д.* История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. – Устинов, 1985. – С. 46–51; *Он же.* Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – С. 9–10; *Он*

же. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII–XVIII вв.) // Взаимодействие древних культур Урала. – Пермь, 1990. – С. 63–64; *Он же*. Русские могильники Вятского края XVI–XIX вв. // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1998. – С. 35–37.

⁶ *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: По данным могильников. – Ижевск, 1992. – С. 255.

⁷ *Генинг В.Ф.* Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 4545, л. 3, 27–42, 46, 52–54, 58, 71; рис. 35, 47–49, 51а–53; 71, 36–39, 41–42; *Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф.* Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1972 г. – М., 1973. – С. 155–156; *Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР, проведенных летом 1972 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 4685, л. 7, 13, 38–42, 45–51, 54; рис. 4, 19, 25, 31, 41–44а, 53, 9, 12, 13, 50–53, 55–61.

⁸ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. – М., 1982. – С. 196.

⁹ *Макаров Н.А.* Древности Севера – первое знакомство // Памятники Отечества: Ил. альманах ВООПИК. – М., 1984. – № 1(9). – С. 123.

¹⁰ *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М., 1997. – С. 22–28, 162–166.

¹¹ *Макаров Л.Д.* Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. МАЕСВ. – Вып. 23. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 155–184.

¹² *Конецкий В.Я.* О реконструкции заселенности центральных районов Новгородской земли в XI–XII вв. // Новгородский край. – Л., 1984. – С. 160; *Он же*. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. – Л., 1984. – С. 168–172.

¹³ *Фролов А.А.* Пережитки язычества в древнерусской погребальной обрядности // Древняя Русь: Пересечение традиций. – М., 1997. – С. 294.

¹⁴ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв.: (По данным погребальных памятников). – Киев, 1987. – С. 79.

¹⁵ *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. – СПб., 1997. – С. 186–187, 196.

¹⁶ См., например: *Бережнова М.Л.* Погребальный обряд русских старожилв Среднего Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 2: Культура тарских татар. – Новосибирск, 1997. – С. 171–175; *На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв.* – М., 1989. – С. 296–299; *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 297, 299.

¹⁷ *Бережнова М.Л.* Погребальный обряд... – С. 175.

¹⁸ *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 293–294.

¹⁹ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 37–38.

²⁰ *Конецкий В.Я.* Некоторые итоги... – С. 158–159.

²¹ *Седова М.В.* Ярополч Залесский. – М., 1978. – С. 67–71; *Гусева Т.В.* Итоги и перспективы археологического изучения Городца на Волге // Городецкие чтения. – Городец, 1992. – С. 39.

²² *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978. – С. 76–79.

²³ *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике со старообрядцами. – 2-е изд. // ЧОИДР. – М., 1905. – Кн. III. – С. 5–26.

²⁴ Там же. – С. 67.

²⁵ *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII вв. – Киров, 1956. – С. 197–198.

²⁶ *Котляревский А.А.* О погребальных обычаях языческих славян. – М., 1868. – С. 43–60; *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. – С. 129; *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. – М., 1987. – С. 308; *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 83–84.

²⁷ *Макаров Л.Д.* Человеческие жертвоприношения и их бытование у древнерусского населения Прикамья // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.* – Ижевск, 2000. – С. 343.

²⁸ *Сенникова Л.А.* Характеристика погребального обряда Усть-Чепецкого могильника эпохи средневековья // *Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца).* – Киров, 1996. – Т. 1. – С. 155–156; *Ряжик И.О., Узлов А.Р., Никольский К.А.* и др. Краниологическая характеристика черепов из средневекового Усть-Чепецкого могильника // Там же. – С. 159–162.

²⁹ Автор искренне признателен Р.М. Фаттахову за оказанную любезность.

³⁰ *Грязнов М.П.* Коллекция документальных материалов по истории города Хлынова – Вятки – Кирова // *Архив ИИМК. Ф. 91. Папка 20. Д. 2, 6, 8; Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. – М.; Л., 1965. – С. 211–215; *Макаров Л.Д.* Вклад М.П. Грязнова в изучение исторического прошлого Вятской земли // *Исторические чтения памяти М.П. Грязнова.* – Омск, 1987. – С. 30–32.

³¹ *Сенникова Л.А.* Характеристика погребального обряда... – С. 155–158.

³² *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 19–20.

³³ *На путях из Земли Пермской...* – С. 296.

³⁴ Там же.

³⁵ *Бережнова М.Л.* Погребальный обряд... – С. 167. – Рис. 1.

³⁶ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 89–92.

³⁷ *Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Языческие святилища древних славян. – М., 1993. – С. 69–73.

³⁸ *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избранные статьи. – М., 1983. – С. 398–399.

³⁹ *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 287, 300–301.

⁴⁰ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 15.

⁴¹ Там же. – С. 14–15.

⁴² *Бережнова М.Л.* Погребальный обряд... – С. 167–168.

⁴³ *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 302.

⁴⁴ *Седова М.В.* Ярополч Залесский. – М., 1978. – С. 71.

⁴⁵ *Гуссаковский Л.П.* Отчет об археологических раскопках на территории г. Кирова и Кировской области в 1958 г. // *Архив ИА РАН.* – Р. 1. – № 1825. – С.31.

⁴⁶ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел: VIII–XIV вв. // *САИ.* – М., 1966. – Вып. Е1–36. – С. 64–65, 73.

⁴⁷ *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XIV вв.). – М., 1981. – С. 94.

⁴⁸ *Макаров Л.Д.* Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы... – С. 157–159; рис. 3, 1–5.

⁴⁹ Там же. – С. 167–168; рис. 7, 58–62.

⁵⁰ *Сенникова Л.А.* Характеристика погребального обряда Усть-Чепецкого могильника эпохи позднего средневековья // *Атлас археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области.* – Кирово-Чепецк, 1995. – С. 29–33; *Атлас...* – Рис. 6, 1–6; 15, 4, 7, 10, 11.

⁵¹ *Атлас...* Дополнение. – Рис. 3–4.

⁵² *Макаров Н.А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // *СА.* – 1981. – № 2. – С. 111–116.

⁵³ *Гусева Т.В.* Итоги и перспективы... – С. 39–40.

⁵⁴ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 23–25; *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 286.

⁵⁵ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 29–30.

⁵⁶ *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992. – С. 20.

⁵⁷ *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX вв. ... – С. 72. – Табл. 11.

⁵⁸ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 26. – Рис. 17; *Иванова М.Г.* Погребальные памятники... – С. 17; *Шутова Н.И.* Удмурты... – С. 39.

⁵⁹ *Макаров Н.А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв.: (Погребения с крестиками и образками в могильниках Белозерья и Каргополя) // КСИА. – М., 1991. – Вып. 205. – С. 13–15; *Рябини Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986. – С. 74–76; *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 72.

⁶⁰ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 72.

⁶¹ *Макаров Н.А.* К оценке христианизации... – С. 19.

⁶² *Гнутова С.* "Крест святой, надежда искупления моего..." // Творчество. – 1990. – № 12. – С. 25–27; *Тетерятников В.* Найдено древнее руководство по отливке медных крестов // Русский вестник. – 1993. – № 34–35. – С. 16; *Он же.* Указы о медном и финифтяном мастерстве: (История публикации указов) // Русское медное литье. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 121–154.

⁶³ *Атлас...* – С. 8–9. – Рис. 9, 1, 2, 10, 2, 3; *Протокол* заседания Совета Кирово-Чепецкого народного музея от 17 дек. 1961 г. – С. 1–2; *Акт* от 6 ноября 1961 г. // Архив Кирово-Чепецкого краеведческого музея.

⁶⁴ *Осокин И.М.* Отчет по археологической поездке по Яранскому и Котельничскому уездам в апреле и июле 1915 г. // Тр. ВУАК. 1916. – Вятка, 1916. – Вып. I–II. – Отд. I. – С. 22–23.

⁶⁵ *Луптов П.Н.* Введение // Документы по истории Удмуртии XV–XVI вв. – Ижевск, 1958. – С. 26.

⁶⁶ *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 284–293.

⁶⁷ *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – Харьков, 1916. – Т. I. – С. 74–81; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. ... – С. 148, 151.

⁶⁸ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 38.

⁶⁹ *Конецкий В.Я.* Некоторые итоги... – С. 165–167.

⁷⁰ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 41; *Сабурова М.А., Седова М.В.* Некрополь Суздаль // Культура и искусство средневекового города. – М., 1984. – С. 109.

⁷¹ *Рябини Е.А.* Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: (Материалы работ Волго-Окской экспедиции). – М., 1989. – С. 127–154, 163–165. – Рис. 2; *Леонтьев А.Е.* Поповское городище: (Результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Там же. – С. 65–66. – Рис. 22–1.

⁷² *Халиков А.Х., Безухова Е.А.* Материалы к древней истории Повелужья: (Археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 г.). – Горький, 1960. – С. 23–24, 40–41, 55–56; *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола, 1973. – С. 16.

⁷³ *Конецкий В.Я.* Некоторые итоги... – С. 162–166.

⁷⁴ *Лецинская Н.А.* Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1988. – С. 83. – Рис. 1.

⁷⁵ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси... – С. 123–134. – Рис. 22.

⁷⁶ *Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Языческие святилища... – С. 24–26. – Рис. 14.

⁷⁷ Там же. – С. 25. – Рис. 14.

⁷⁸ Там же. – С. 44–45. – Рис. 59.

⁷⁹ *Денисова И.М.* Дерево – дом – храм в русском народном искусстве // СЭ. – 1990. – № 6. – С. 100–114.

⁸⁰ *Она же.* Образ древнеславянского храма в русском народном искусстве // ЭО. – 1992. – № 5. – С. 103–123.

⁸¹ *Шенников А.А.* О языческих храмах у восточных славян // Язычество восточных славян. – Л., 1990. – С. 43–59.

⁸² *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси... – С. 389.

⁸³ *На путях* из Земли Пермской... – С. 296.

⁸⁴ Там же; *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 296–299.

⁸⁵ *На путях* из Земли Пермской... – С. 293–294.

⁸⁶ *Казанская* история. – М.; Л., 1954. – С. 48.

⁸⁷ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 77–78; *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 286.

⁸⁸ *Иванова М.Г.* Погребальные памятники... – С. 19.

⁸⁹ *Шутова Н.И.* Удмурты... – С. 73–74.

⁹⁰ *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С. 23–25; *Фролов А.А.* Пережитки язычества... – С. 286.

⁹¹ *Логвин Г.Н.* О деревянном зодчестве домонгольской Руси // Средневековая Русь. – М., 1976. – С. 151–159; *Максимов П.Н.* Творческие методы древнерусских зодчих. – М., 1976. – С. 155–180.

⁹² *Шенников А.А.* О языческих храмах... – С. 43–59; *Денисова И.М.* Образ древнеславянского храма... – С. 103–124.

⁹³ *Шенников А.А.* О языческих храмах... – С. 48–53; *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* Христианские символы и языческие традиции Древней Руси // Символы в культуре. – СПб., 1992. – С. 37.

⁹⁴ *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* Древнерусская церковь и архаические традиции // Язычество восточных славян. – Л., 1990. – С. 12.

⁹⁵ *Шенников А.А.* О языческих храмах... – С. 56–59; *Денисова И.М.* Образ древнеславянского храма... – С. 117–119.

⁹⁶ *Макаров Л.Д.* Человеческие жертвоприношения... – С. 341–344.

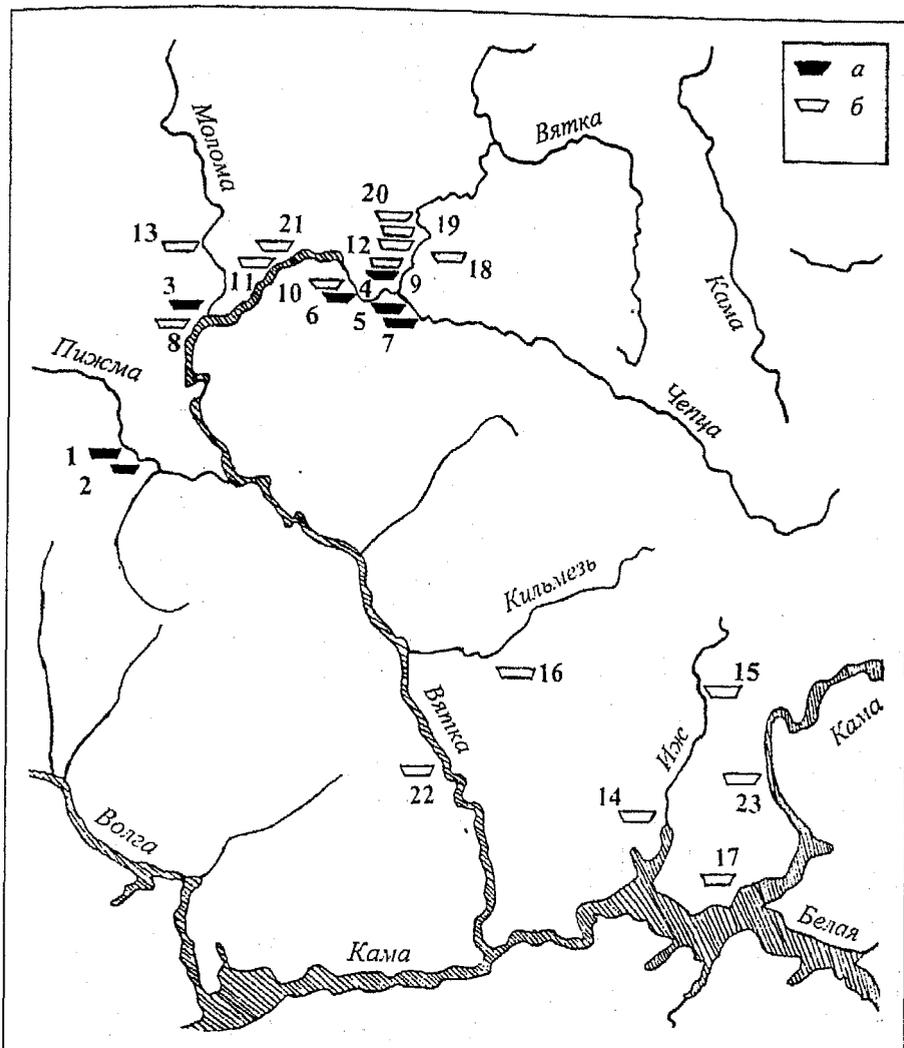

Рис. 1. Схема размещения славяно-русских могильников Вятского края (а – XII-XV вв.; б – XVI-XIX вв.):

1 – Еманаевский; 2 – Покста; 3 – Шабалинский; 4 – Никульчинский I; 5 – Усть-Чепецкий; 6 – Хлыновский I; 7 – Северюхинская братская могила; 8 – Котельничский; 9 – Никульчинский II; 10 – Хлыновский II; 11 – Орловский; 12 – Подчуршинский; 13 – Спасский; 14 – Благодатский; 15 – Михайловский; 16 – Моторкинский III; 17 – Зуево-Ключевской III; 18 – Ильинский; 19, 20 – Слободские I и II; 21 – Подрельский; 22 – Сарапульский IV; 23 – Гоньба (нумерация памятников соответствует списку в табл. 1)

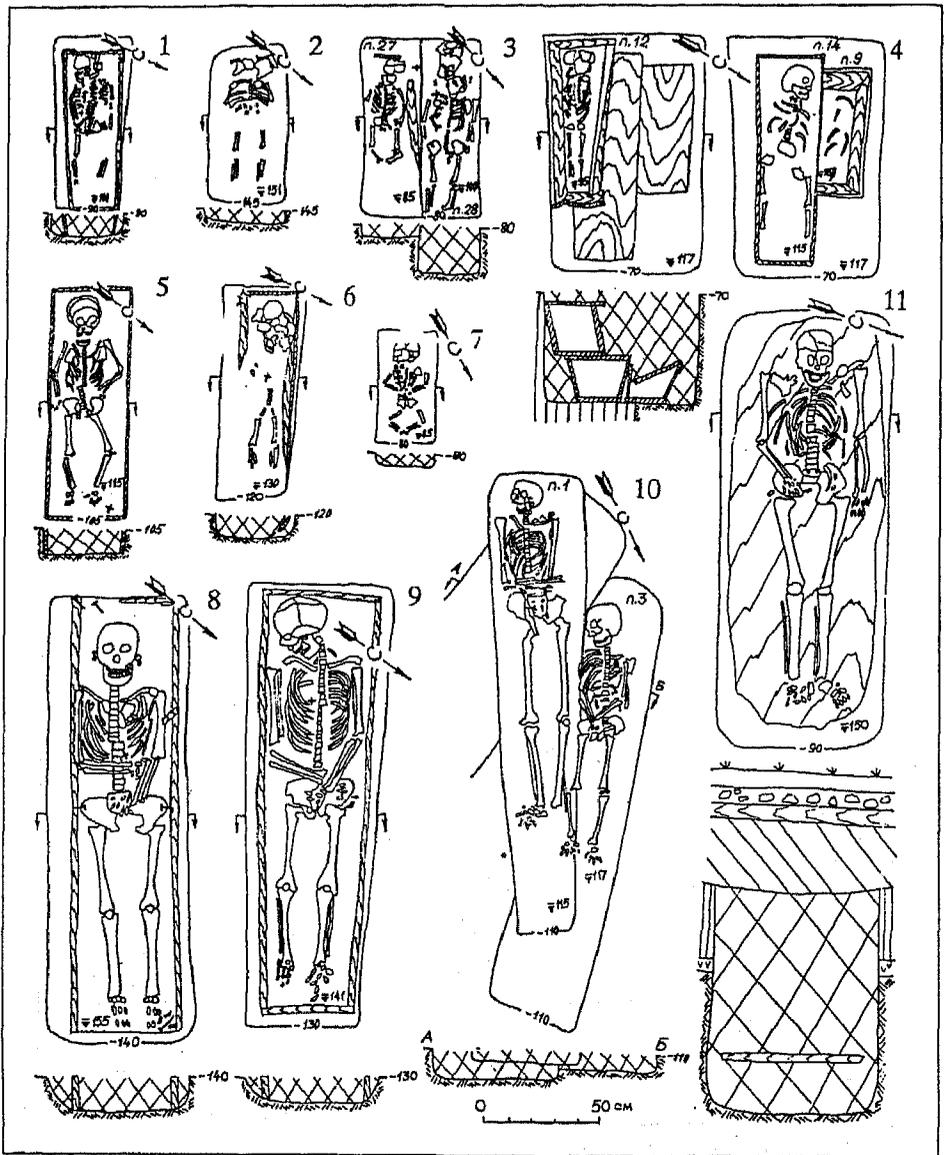

Рис. 2. Планы погребений XVII–XVIII вв. Никульчинского II (1–10) и Слободского I (11):

1 – № 20; 2 – № 31; 3 – № 27; 4 – №№ 9, 12, 14; 5 – № 25; 6 – № 19; 7 – № 26; 8 – № 23; 9 – № 24; 10 – №№ 1, 3

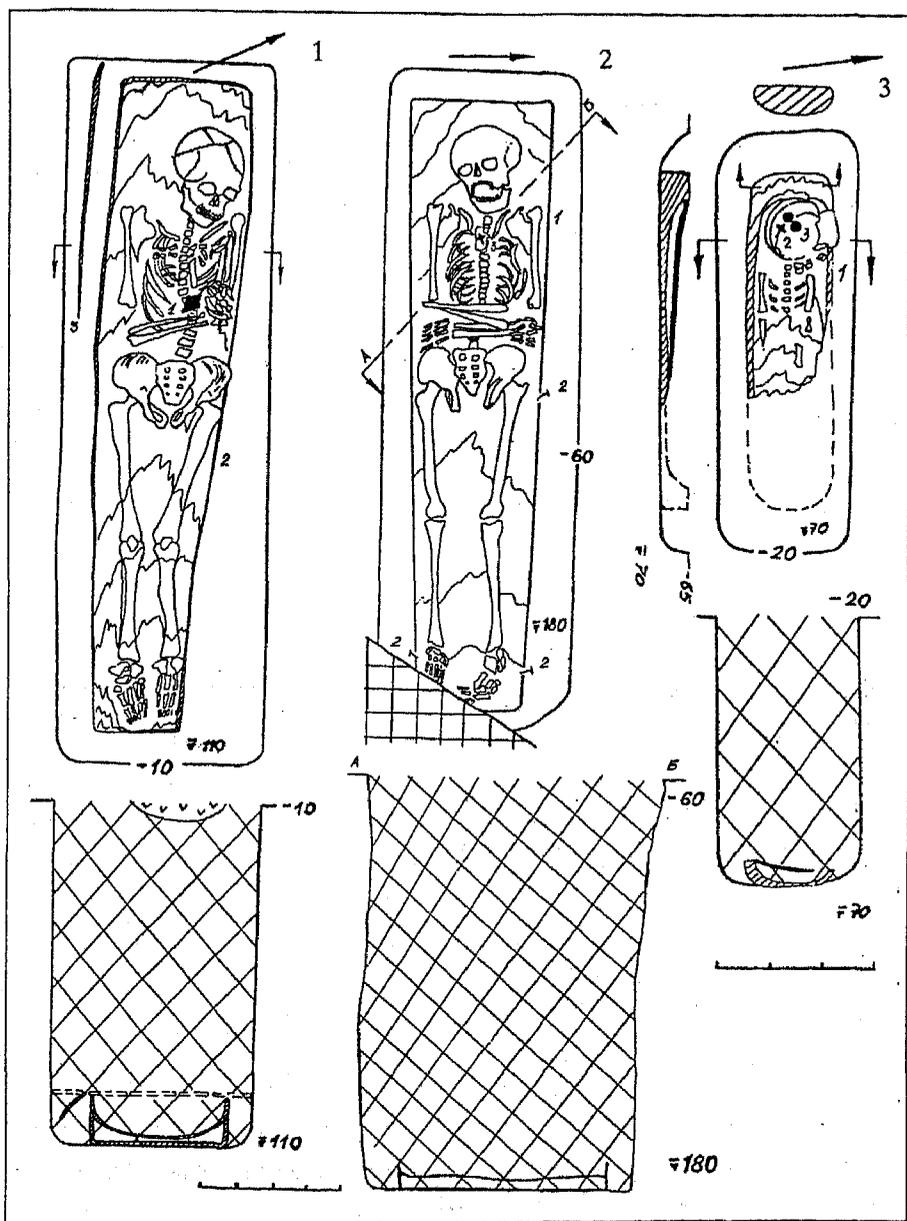

Рис. 3. Планы погребений Михайловского могильника (вторая половина XVIII – начало XIX вв.):

1 – погр. 1 (1 – медный крест; 2 – тлен гробовища; 3 – тлен перекрытия); 2 – погр. 8 (1 – тлен гробовища; 2 – железные гвозди; 3 – бронзовый крест); 3 – погр. 3 [1 – колода и перекрытие; 2 – медный крестик; 3 – медные монеты (2 и 3 – под черепом в остатках меха)]

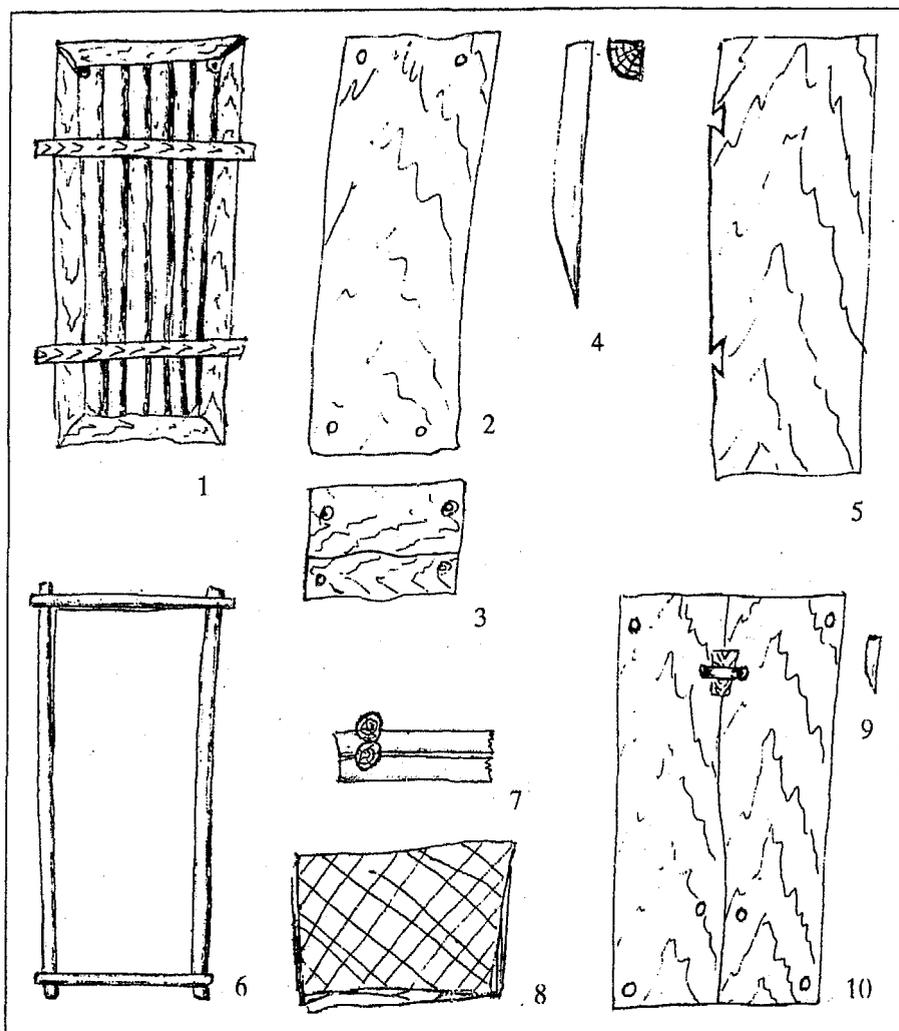

Рис. 4. Схема домовины и могилы старообрядцев верховьев Камы (рисунок жителя д. Степаненки Г.И. Бузмакова):

1 – вид домовины снизу; 2, 5 – продольные стенки; 3 – поперечная стенка; 4, 9 – запорные клинышки; 6 – жердевой сруб по периметру могилы; 7 – фрагмент сруба; 8 – разрез могилы; 10 – верхняя крышка домовины

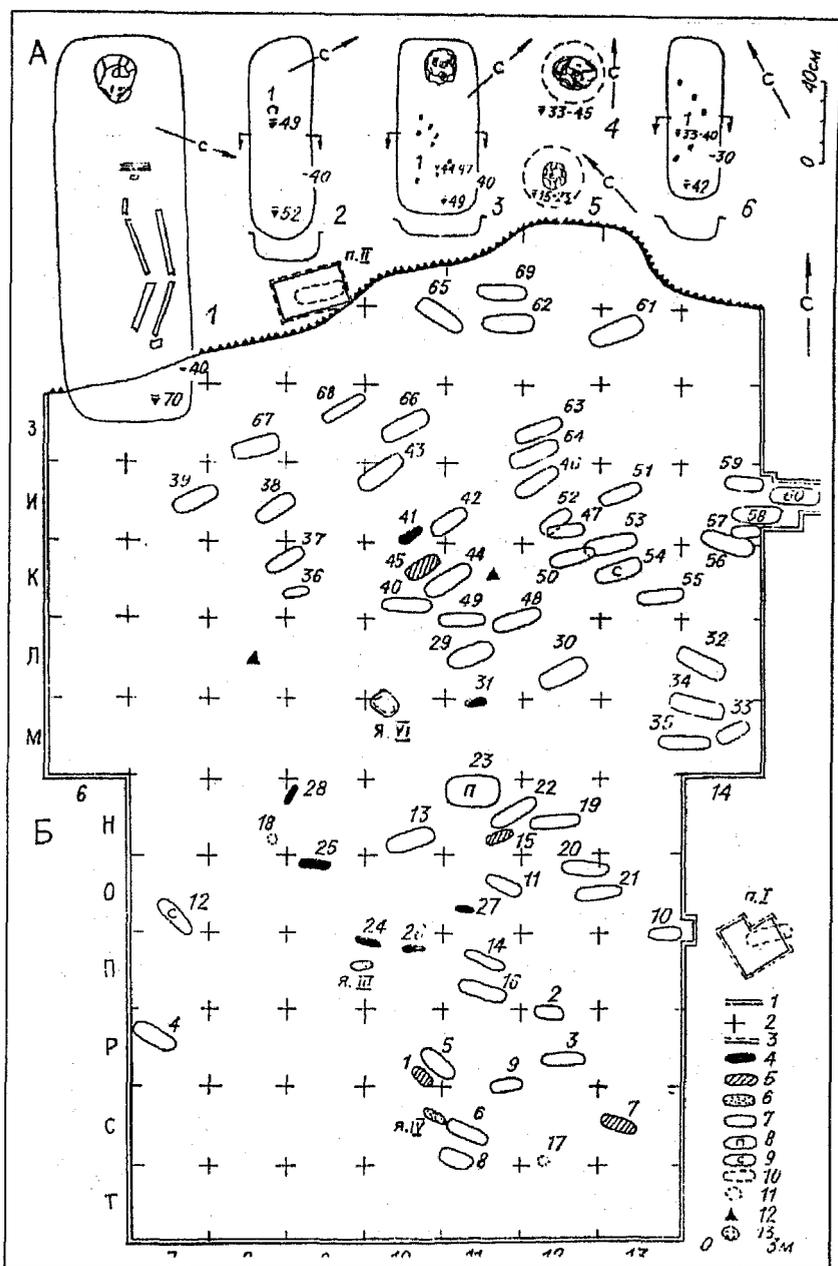

Рис. 5. Еманаевский могильник:

А – планы отдельных погребений: 1 – № 54; 2 – яма IV (1 – бронзовый браслет); 3 – № 1 (1 – кальцинированные кости); 4 – № 17; 5 – № 18; 6 – № 6 (1 – кальцинированные кости).

Б – план раскопа: 1 – границы раскопа; 2 – границы участка; 3 – границы шурфов М.В. Талицкого; 4 – погребение с кремацией; 5 – могила с неполной кремацией; 6 – кенотаф; 7 – группоположение; 8 – парное захоронение; 9 – погребенные с согнутыми ногами; 10 – предполагаемые очертания; 11 – захоронение черепа; 12 – место находки фрагментов круговой керамики; 13 – очертания ямы из-под предполагаемого идола

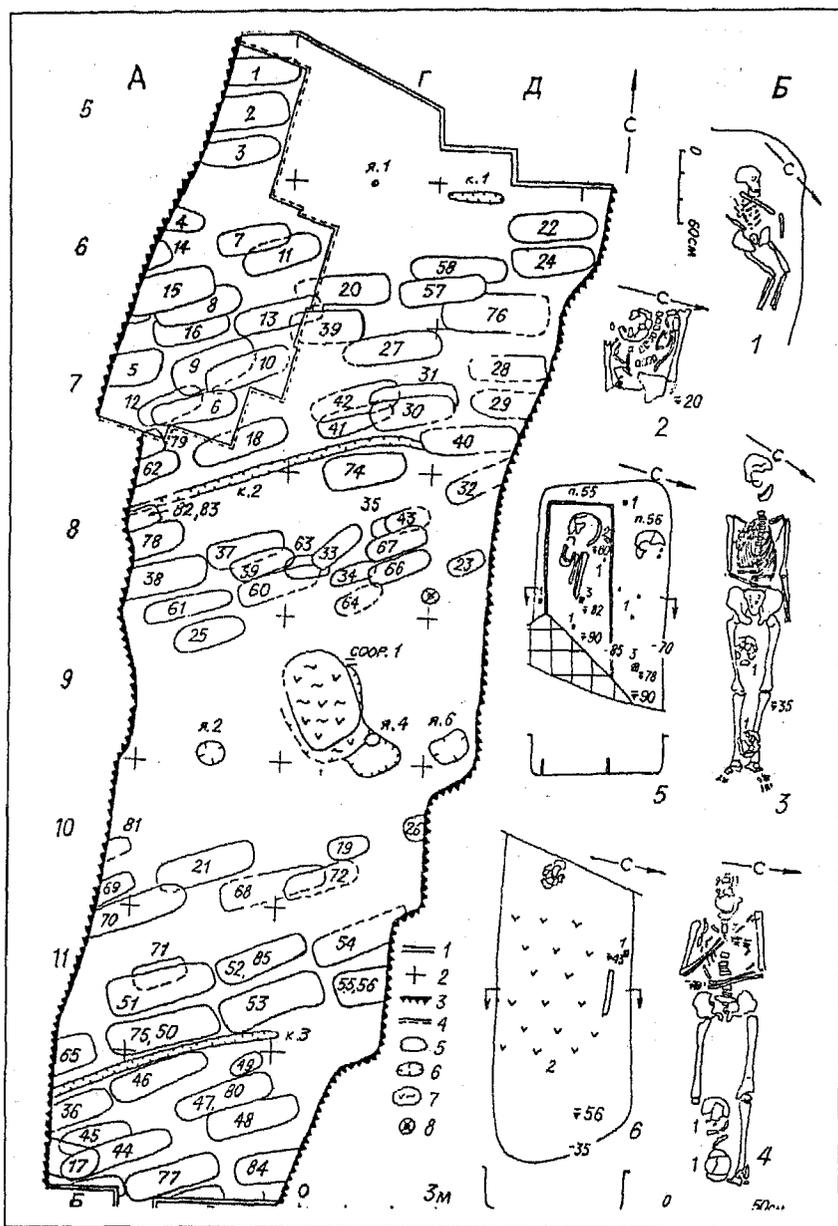

Рис. 6. Планы раскопов могильника Покста, поселение Покста II и отдельных погребений разных могильников:

А – план раскопа на могильнике Покста и поселении Покста II: 1 – границы раскопа 1988 г.; 2 – границы участков; 3 – край обрыва; 4 – границы раскопа 1985 г.; 5 – очертания могильных ям; 6 – очертания сооружений, ям и канавок; 7 – золисто-углистый слой; 8 – деревянный столб.

Б – планы отдельных погребений могильников: 1 – № 15 Никульчинского I; 2–4 – №№ 9, 13, 21 Шабалинского; 5 – №№ 55, 56 Покста (1 – угли, 2 – шлак, 3 – фрагменты лепной керамики); 6 – № 2 Покста (1 – фрагмент лепной керамики, 2 – угли)

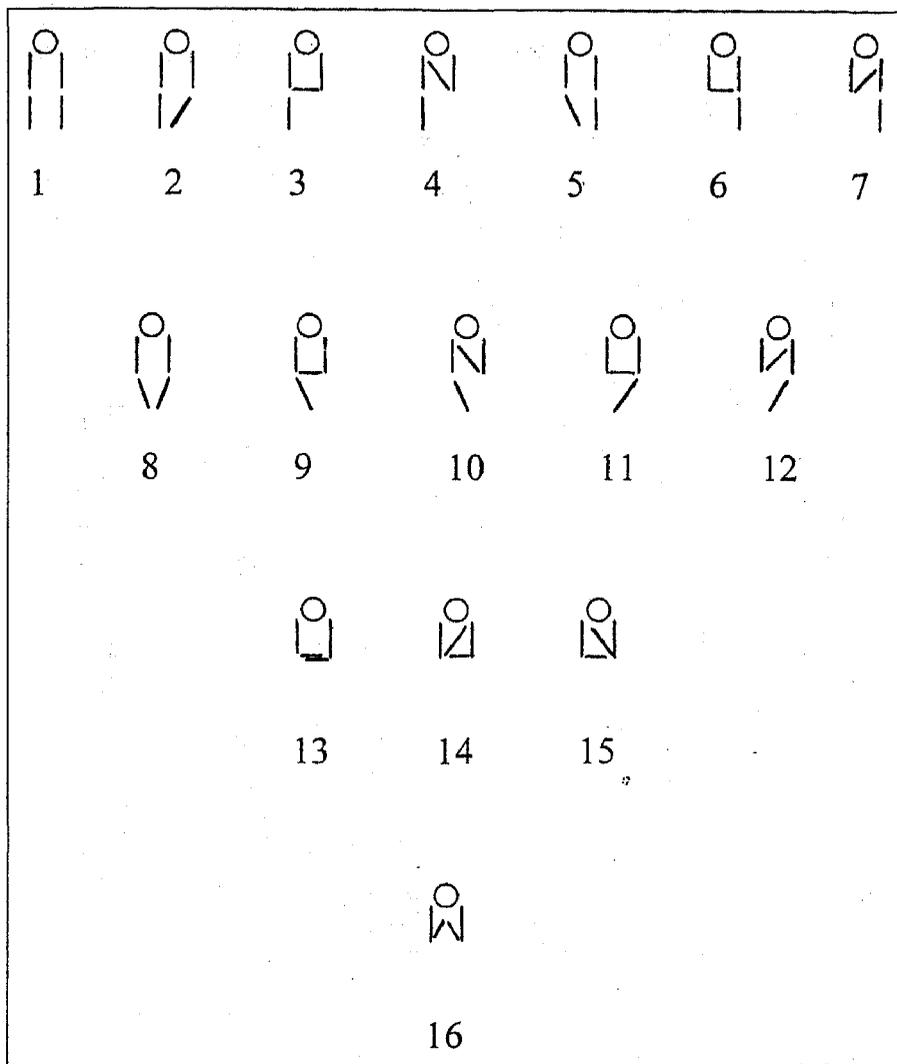

Рис. 7. Положения рук умерших в славяно-русских могильниках Вятского края

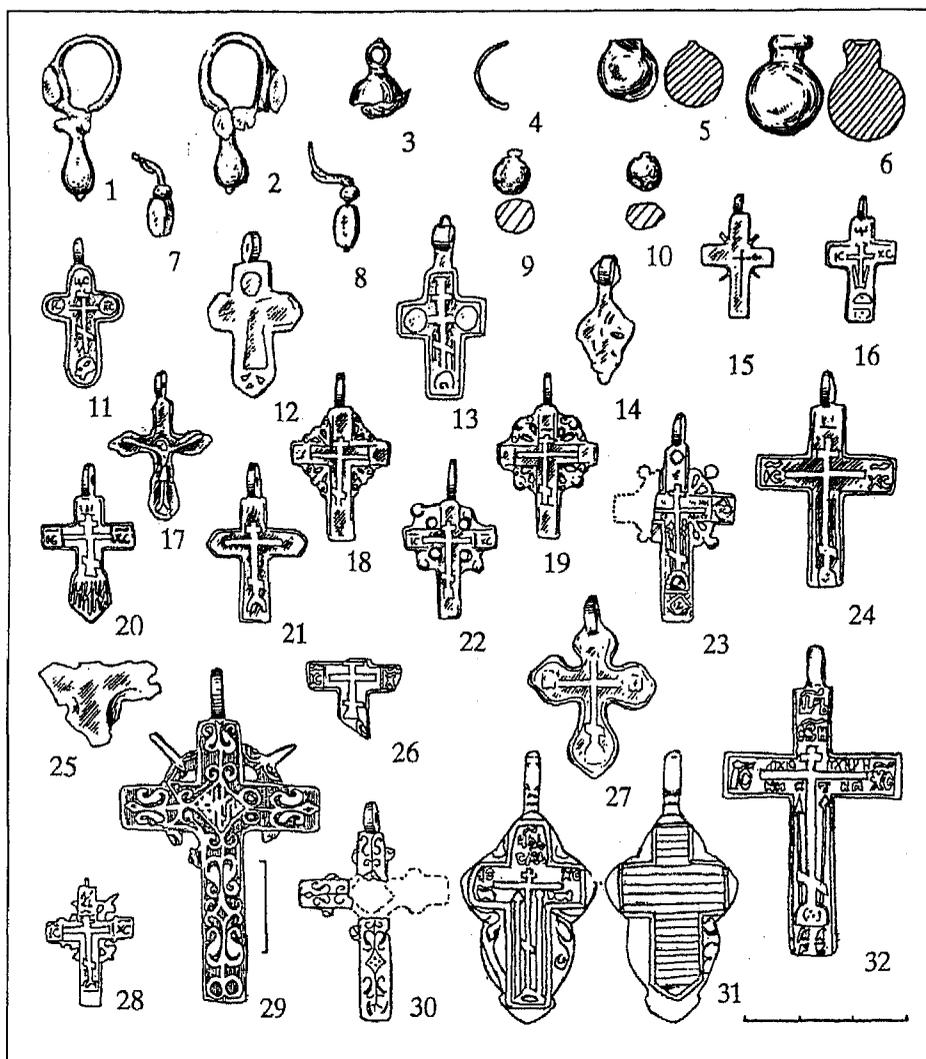

Рис. 8. Вещевой инвентарь из могильников Вятского края XVI–XIX вв.:
 1, 2, 7, 8 – серьги; 3, 9, 10 – пуговицы; 4 – височное кольцо; 5, 6 – пули; 11–32 –
 кресты-тельники. Могильники: 1–3, 7, 8, 17–22, 24 – Никульчинский II; 4, 9, 10, 23,
 27 – Спасский (по И.Г. Шапран); 5, 6, 16 – Котельничский; 11–14 – Благодатский (по
 Т.К. Ютиной); 15 – Орловский (по рисунку Л.П. Гуссаковского); 25, 26, 28–30 –
 Хлыновский II (по Л.П. Гуссаковскому); 31, 32 – Михайловский. 1, 2, 7–8 – бронза,
 стекло; 3, 4, 11–32 – медь; 5, 6, 9, 10 – свинец

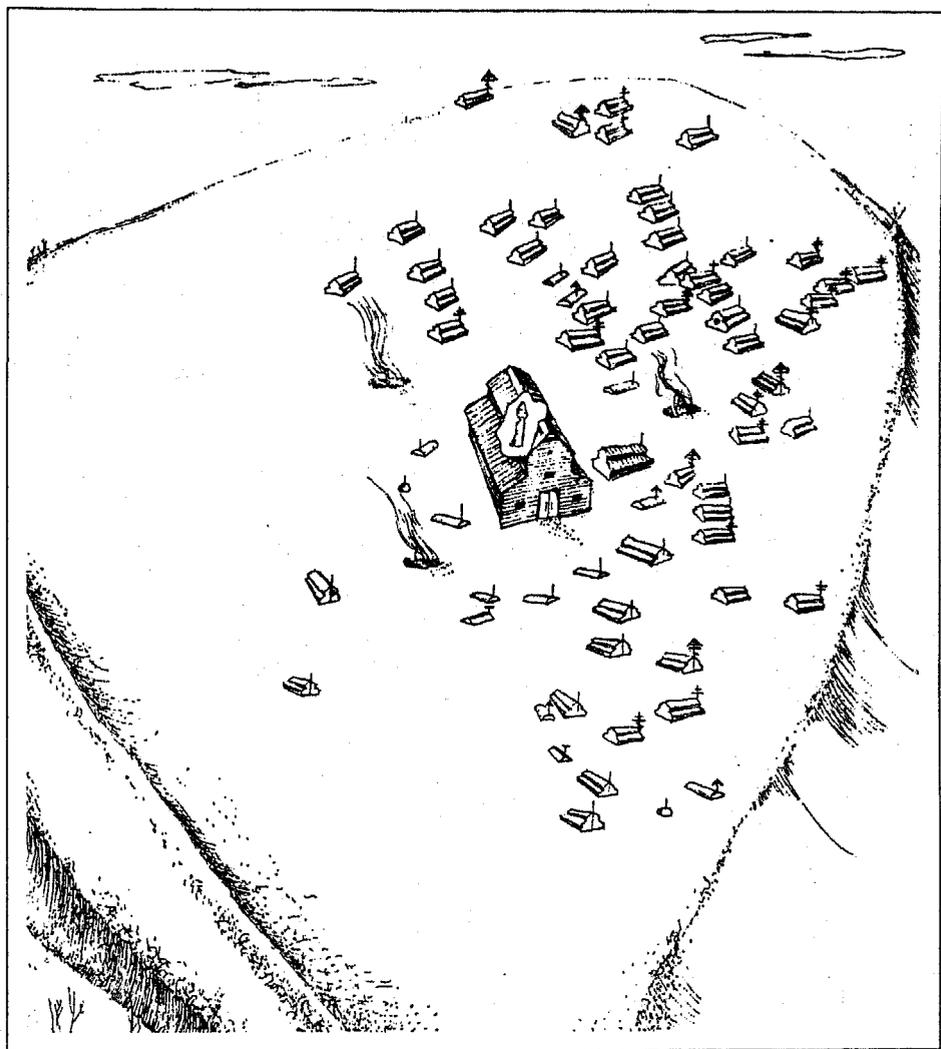

Рис. 9. Реконструкция Еманаевского могильника с языческим храмом
(по эскизу автора)

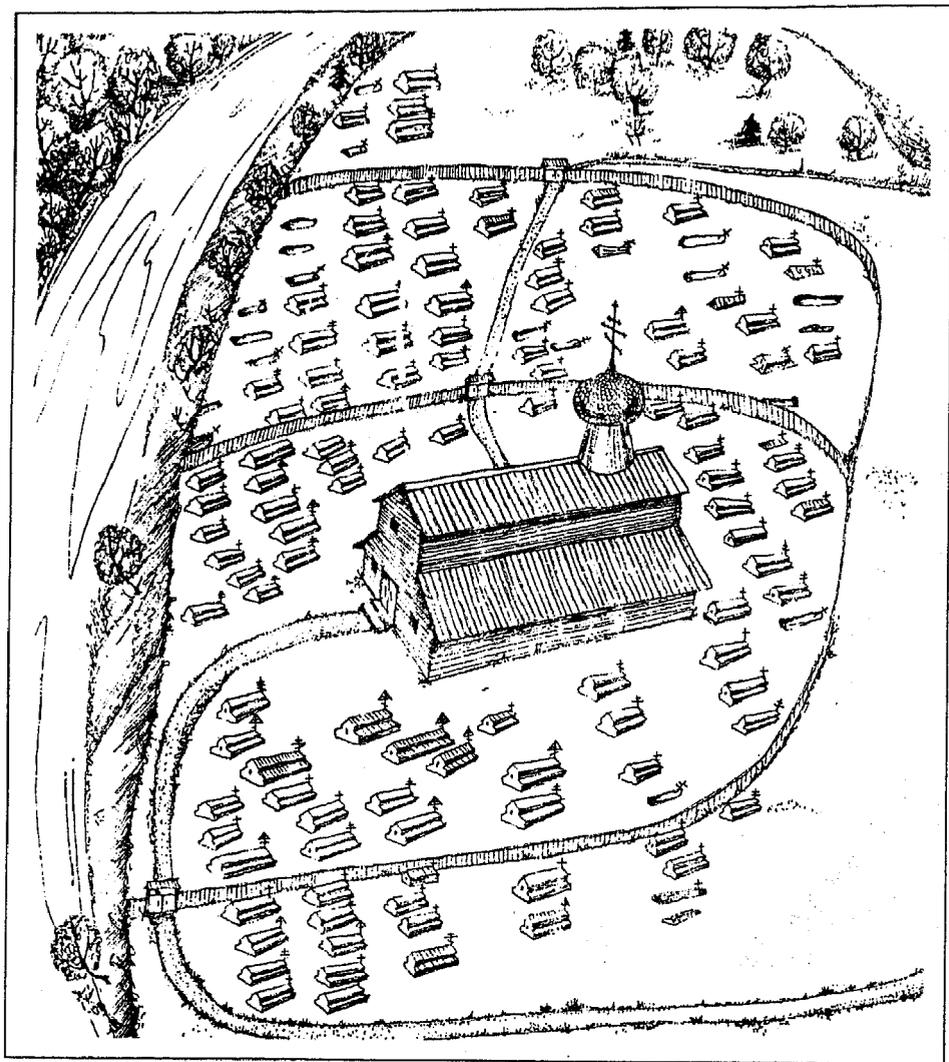

Рис. 10. Реконструкция могильника Покста с православной церковью (по эскизу автора)